PG3350
.Z8
M6

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3350
.Z8
M6

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pushkinpodtanymn00modz

This is an authorized facsimile
of the original book, printed by
rofilm-xerography on acid-free paper.

RSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England
1980

PG3350
.Z8
M6

ПУШКИН

PUSHKIN POD TAỸNYM

ПОД ТАЙНЫМ НАДЗОРОМ

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО

„ПАРѲЕНОН"
САНКТПЕТЕРБУРГ
1922

Modzalevskii, B. L. Pushkin pod tainym nadzorom. St. Petersburg, 1922.

University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan

Я 32/647 сл

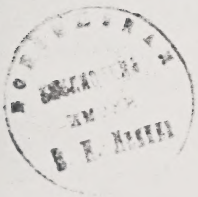
ПУШКИН

ПОД ТАЙНЫМ НАДЗОРОМ

Е. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО

„ПАРФЕНОН"
САНКТПЕТЕРБУРГ
1922

МАРКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
РАБОТЫ ХУДОЖНИКА Н. А. ТЫРСЫ



8411-37

Печатано в 26-й Госуд. тип. в количестве 1000 экземпляров, зак. 702.
РВЦ.—246. ПЕТЕРБУРГ. МАРТ 1922

„Ты ни в чем не замешан, это правда", писал Пушкину Жуковский в апреле 1826 г., в ответ на его тревожные запросы друзьям о том, чего следует ему ожидать от нового царя, поглощенного в то время следствием над декабристами,—„но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои: это худой способ подружиться с правительством..." И действительно, просмотр показаний декабристов, сделанный П. Е. Щеголевым, доказал, что имя Пушкина фигурировало, в совершенно определенном освещении либерального писателя, в ответах многих и многих членов Тайного общества, данных ими Следственной Комиссии на вопрос о том: „с которого времени и откуда заимствовали они свободный образ мыслей, то-есть от общества-ли, или от внушений других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно" и кто вообще „способствовал укоренению в них сих мыслей" [1].

Таким образом, у членов Следственной над декабристами Комиссии уже под влиянием одних этих ответов должно было сложиться определенное впечатление о Пушкине, как об опасном и вредном для общества вольнодумце, рассевавшем яд свободомыслия в обольстительной поэтической форме. С такою же определенной репутацией человека политически неблагонадежного и зловредного должен был войти поэт и в сознание одного из деятельнейших членов упомянутой Комиссии —известного генерал-адъютанта Бенкендорфа; такое же представление сложилось о нем и у самого Императора Николая I, — как известно, ближайшим и внимательнейшим образом наблюдавшего за ходом следствия и показаниями привлеченных к нему и входившего во все подробности дела. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда вскоре за тем, 25 июня и 3 июля 1826 г., были учреждены корпус жандармов и III Отделение собственной его величества канцелярии, заменившее особую (полицейскую) канцелярию министерства внутренних дел, то Пушкин естественным образом и как бы по наследству сразу вошел в круг клиентов новых учреждений „высшей полиции". Внесенный, конечно, и ранее в списки лиц, бывших под надзором особой

[1]) П. Е. Щеголев. Пушкин. С.-Пб. 1912, стр. 230.

канцелярии и ее агентов, как человек, заслуживающий царского внимания, Пушкин сразу сделался предметом особенных попечений и Бенкендорфа, как главного начальника III Отделения, и его правой руки и фактотума—управляющего этим Отделением Максима Яковлевича фон-Фока, перед тем заведывавшего упомянутой выше особой канцелярией министерства внутренних дел. Они оба, а второй — в особенности, зорко следили за каждым шагом поэта даже когда он был еще в изгнании, а после его освобождения из ссылки усугубили надзор и непрерывно плели ту, по выражению П. Е. Щеголева, „бесконечную серую пелену", которая, опутав Пушкина в 1826 г., „развертывалась во все течение его жизни и не рассеялась даже с его смертью..." [1].

Литература о Пушкине обладает уже большим количеством документальных данных, свидетельствующих о десятилетних „муках великого поэта", вызывавшихся его почти непрерывными сношениями с Бенкендорфом, фон-Фоком и преемником последнего—А. Н. Мордвиновым. Сообщаемый ниже материал дорисовывает эту картину, вносит в нее некоторые детали.

Официально и открыто Пушкин вступил в непосредственные сношения с III Отделением и стал „поднадзорным" 30 сентября 1826 г., когда он, будучи в Москве, получил первое деловое письмо от Бенкендорфа [2]; но связь его с „высшей полицией" началась значительно раньше. Мы видели уже, как близко к последней поставила Пушкина деятельность Следственной Комиссии по делу декабристов. „Дополнение", говорит П. Е. Щеголев: „к данным, полученным официально из показаний привлеченных к делу, и укрепление создавшегося о Пушкине представления приносили доносы. Всегда была обильна доносами русская земля, а в то время доносительство достигло степеней чрезвычайных. По все концы России были разосланы офицеры, преимущественно флигель-ад'ютанты, для собирания под рукой доносов и сведений, не укрывается ли еще где-нибудь гидра революции и остатки вольного духа. Все эти посланцы представляли рапорты и донесения о положении дел в губерниях, университетах и т. д. К сожалению, о всем этом мы очень мало знаем: обрывки донесений встречаются в деле Следственной Комиссии, но все собрание их нам еще недоступно. Был послан такой соглядатай и в Прибалтийский край, в область управления Эстляндского генерал-губернатора, Паулуччи. Проезжая через Псков, этот агент собрал сведения о Пушкине. Но донесение его нам неизвестно. Анненков слышал о посылке „особенного агента в начале 1826 года, с поручением об'ехать несколько западных губерний для узнания местных злоупотреблений и, при проезде через Псков, собрать точные и положительные сведения о самом поэте, что, по связям последнего со многими

[1]) Назв. соч., стр. 227.

[2]) Отношения Пушкина к III Отделению рассмотрены и определены в статьях: М. Н. Лонова—в „Русск. Стар." 1874 г., т. X, стр. 683—714; М. К. Лемке—„Муки великого поэта"—в книге его „Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.", С.-Пб. 1908, стр. 465—526, П. Е. Щеголева—„Император Николай I и Пушкин в 1826 г."—в книге его „Пушкин", С.-Пб. 1912, стр. 226—265, И. О. Лернера: „После ссылки в Москве"—в сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 335 и др.

декабристами, была тогда мерой, входившей в общий порядок начатого следствия над заговорщиками" [1]). Анненков без всяких оснований полагает, что содержание его было благоприятно для Пушкина [2]). Мы же думаем, что донесение вероятнее всего не расходилось с теми данными, которые были получены Следственной Комиссией [3]).

В настоящее время представляется возможным дополнить, так сказать, гласные полицейские материалы о Пушкине целою серией материалов агентурного, секретного характера, сохранившихся в особом с е к р е т н о м отделе Архива бывшего III Отделения, в который вошли и документы предшествовавшего учреждению Отделения времени, начиная с февраля 1826 г., т.-е. от той поры, когда Бенкендорф и фон-Фок еще не носили соответствующих официальных званий, но заняты были частным поручением молодого Императора — организацией секретного надзора, в виду предстоявшей коронации Николая и отчасти в связи с шедшим тогда следствием по делу декабристов.

Ознакомление с этим секретным архивом дает возможность довольно отчетливо установить схему наблюдательной деятельности III Отделения [4]). Она шла по двум путям, иногда параллельным, иногда сходившимся между собою: Бенкендорф, как шеф жандармов и командующий Императорскою Главною Квартирой, имел в своем ведении и распоряжении жандармских офицеров, раскинутых целою сетью по всей России и имевших, равным образом, своих собственных агентов; через начальников жандармских округов агентурные сведения из городов, губерний и уездов стекались к Бенкендорфу, а от него шли к Фоку, управлявшему собственно III Отделением. Фок, кроме управления делопроизводством Канцелярии, в свою очередь, вел широкую агентурную разведку, пользуясь для этого довольно обширным, повидимому, штатом агентов и шпионов, живших в Петербурге, но иногда ездивших и в командировки. Из помощников Бенкендорфа назовем жандармов: генерала Петра Ивановича Балабина (начальника I Округа в Петербурге, генерала Александра Александровича Волкова и полковника Ивана Петровича Бибикова в Москве [5]), полк. Жемчужникова — в Ярославле, полк. Депера — в Вологде и др. У Фока же состояли тайными агентами: довольно известный и плодовитый писатель-драматург Степан Иванович Висковатов (брат академика-математика) [6]), князь Александр Федорович Голицын (камер-юнкер, служивший при Канцелярии Наследника

[1]) П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874, стр. 320.

[2]) Теперь это донесение Александра Карловича Бошняка (доносчика на декабристов), в общем благоприятное для Пушкина, найдено в секретном отделе того же Архива III Отделения.

[3]) П. Е. Щеголев. Пушкин, С.-Пб. 1912, стр. 238—239.

[4]) Об учреждении III Отделения и о предшествовавших ему полицейских учреждениях, а также о Бенкендорфе и Фоке см. в назв. соч. М. К. Лемке, стр. 7 и след.

[5]) У него, в свою очередь, был агент-секретарь Петр Попов, числившийся при Моск. Архиве Министерства Иностр. Дел. Бибиков впоследствии покровительствовал Полежаеву.

[6]) Ср. „Русск. Стар." 1881 г., т. XXXII, стр. 172 и 314.

Александра Николаевича), Екатерина Алексеевна Хотяинцова, бывшая Дизорова или Цызырева, рожд. Бернштейн, жена придворного актера Дмитрия Николаевича Хотяинцова [1]) крещеная еврейка (слывшая у Фока под кличкою „juive"); писательница Екатерина Наумовна Пучкова [2]), семейная в эпиграмме Пушкина, и ее сестра Наталья; Александр Саввич Лефебр, делавший свои сообщения Фоку по-французски; И. Локателли, также доносивший на французском языке; некий Гофман; еврей (?) Оскар Венцеславович Кобервейн, некий Гуммель (писавший по-немецки), Карл Матв. Фрейганг, Илья Ангелевич Попов; неизвестная, „работавшая" среди солдат и носившая прозвище „Sibylle" (вероятно, гадалка), и многие, судя по почеркам донесений, другие, имена которых пока не представляется возможным разгадать, — люди образованные и совсем малограмотные, соответственно тем кругам, в которых они действовали.

Донесения этих агентов (всегда, повидимому, письменные) стекались прямо к Фоку, а он из некоторых делал выборки, извлечения или сводку сообщений и представлял, в тщательно переписанном собственноручно виде, Бенкендорфу то, что, по его мнению, заслуживало внимания главы „высшей полиции"; через Бенкендорфа же секретные записки Фока восходили нередко и к самому Николаю I. К агентурной деятельности был близок также и барон П. И. Дибич (Начальник Главного Штаба), зачастую сообщавший Бенкендорфу и от него получавший различные сведения, а также П. В. Голенищев-Кутузов — Петербургский военный генерал-губернатор. Однако, душою, главным деятелем и важнейшею пружиною всего сложного полицейского аппарата был неутомимый фон-Фок, сосредоточивавший в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Его деятельность была поразительно обширна, он отдавался ей, повидимому, с любовью, даже со страстью, в буквальном смысле слова „не покладая рук". Количество сохранившихся в Архиве III Отделения его писем, докладных и иных записок, справок, заметок, бюллетеней самого разнообразного характера, по самым различным поводам и вопросам — прямо изумительно [3]). Человек умный, хорошо образованный и воспитанный (бывший военный), он обладал знанием русского, французского, немецкого (ему родного) и польского языков и владел ими совершенно свободно. Своим большим образованием и кипучею деятельностью он как бы дополнял Бенкендорфа, — человека малообразованного и вялого, ленивого; их отношения друг к другу были самые дружественные, хотя Фок в своих письменных сношеньях с „шефом" никогда не терял тона почтительного уважения.

---

[1]) См. „Русск. Стар." 1898 г., кн. 5, стр. 454.

[2]) Ср. там-же, 1881 г., т. XXXII, стр. 312.

[3]) Хорошее понятие о письмах Фока можно составить по письмам его к Бенкендорфу за июль — сентябрь 1826 г., опубликованным М. И. Семевским (в переводе на русский язык) в „Русск. Стар." 1881 г., т. XXXII, стр. 163 — 194, 303 — 336 и 519 — 560, в статье: „Петербургское общество при восшествии на престол Императора Николая".

Просмотр этого обширного агентурного материала Фоковского секретного архива за время 1826—1831 гг. (т.-е. до смерти Фока, скончавшегося 27 августа 1831 г.) и дал возможность, среди самых разнородных сведений о всевозможных событиях и о великом множестве лиц самого различного общественного или служебного положения разыскать немало новых сведений и о Пушкине, бывшем, как мы сказали, предметом особого внимания Бенкендорфа и Фока и их сподвижников.

Сделанная из этого материала выборка всего того, что, так или иначе, в той или другой степени, но тесно связано с Пушкиным и его биографией, расположенная в хронологическом порядке, дает возможность проследить почти пять лет жизни Пушкина и ее различных, крупных и мелких событиях, отразившихся на работе III Отделения. Мы слышим здесь давно умолкнувший голос отца поэта, жалующегося своему брату и зятю, в напыщенных, столь ему свойственных тонах, на сына в один из самых тяжелых периодов их взаимных отношений; узнаем некоторые новые подробности жизни поэта, выясняем отношение к нему окружающей среды и отдельных лиц, наконец, — читаем его собственные слова в письме его к Бенкендорфу от 7 мая 1830 г. Знакомство со всеми этими материалами подтверждает давно высказанные известным чиновником III Отделения, а некогда учителем Белинского, Михаилом Максимовичем Поповым слова, что уже с самого начала сношений своих с Пушкиным „высшая полиция" обратила особенное на него внимание и что „с того времени Бенкендорф и его помощник фон-Фок ошибочно стали смотреть на молодого поэта не как на ветреного мальчика, а как на опасного вольнодумца, постоянно следили за ним и приходили в тревожное положение от каждого его действия, выходившего из общей колеи... Бенкендорф и его помощник фон-Фок, не восхищавшиеся ничем в литературе и не считавшие поэзию делом важным, передавали царскую волю Пушкину всегда пополам со строгостью, хотя в самых вежливых выражениях. Они как бы беспрестанно ожидали, что вольнодумец их предпримет какой-либо вредный замысел или сделается коноводом возмутителей. Между тем Пушкин беспрестанно впадал в проступки, выслушивал замечания, приносил извинения и опять проступался. Он был в полном смысле слова дитя и, как дитя, никого не боялся. Зато люди, которые должны бы быть прозорливыми, его боялись. Отсюда начался ряд с одной стороны напоминаний, выговоров, а с другой — извинений, обещаний и вечных проступков!" [1]).

Эта борьба двух противоположных начал ясно видна в печатаемых ниже материалах.

Когда умер Фок, то детски незлобивый, всепрощающий поэт записал о нем следующее: „На-днях скончался в Петербурге фон-Фок, начальник III Отделения государевой Канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: „J'ai perdu Fock: je ne puis que le pleurer et me plaindre de

[1]) „Русск. Стар." 1874 г., т. X, стр. 694—695, в статье М. М. Попова „Александр Сергеевич Пушкин".

n'avoir pas pu l'empêcher" [1]. Вопрос: кто будет на его место? — важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей".

Этими словами Пушкин ярко и верно очертил то значение, какое Фок имел в тогдашней русской общественной жизни, а в частности, следовательно, и в его собственной и — не помянул его лихом [2].

Серия секретных материалов о Пушкине начинается запиской, которая находится в особом отделе секретного архива, носящем название: „Bulletins et autres notices",— в картоне № I, за февраль 1826 г.: здесь под № 35 имеется записка, писанная рукою деятельного агента III Отделения Степана Ивановича Висковатова,— поэта и плодовитого драматурга, одного из ранних поклонников Шекспира в России, „обработавшего для российского театра" „Гамлета" еще в 1811 г., во время своей службы в канцелярии министра полиции Балашева: позже, в 1828 — 1829 г., он служил при дирекции петербургских театров переводчиком [3] и в 1831 году, во время холеры, пропал без вести:

„Прибывшие на сих днях из Псковской губернии [4] достойные вероятия особы удостоверяют, что известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин, по высочайшему в Бозе почившего императора Александра Павловича повелению определенный к надзору местного начальства в имении матери его, состоящем Псковской губернии в Опоческом уезде, и ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и по получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича, он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: „Наконец не стало Тирана, да и оставший род его не долго в живых останется!" Мысли и

[1]) Т.-е.: „Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и сожалеть, что не мог его любить".

[2]) Незадолго до смерти Фока Пушкин обращался к нему с письмом (до нас недошедшим) по поводу предположенного им издания политической газеты, программу которой он сообщил тогда же и Бенкендорфу (при письме от 27 мая 1831 г. из Царского Села). Фон-Фок, в изысканных выражениях благодаря Пушкина, письмом от 8-го июня, за доверие, оказанное обращением к нему, отклонил всякое свое участие в этом деле, причем писал ему: „Желая вам самых блестящих успехов в вашем предприятии, я, конечно, один из первых буду радоваться таковому и поздравлять публику, что человек вашего отличного таланта будет способствовать столь к ее удовольствию, столь и к просвещению" (Русск. Арх." 1881 г., кн. I, стр. 440).

[3]) Любопытно, что в 1828 г. другой агент фон-Фока — некий Локателли сообщал своему патрону: „Многие смеются над известным Висковатовым, который напечатал в № XI Русского журнала „Благонамеренный" стихи, обращенные им к генералу Бенкендорфу. Находят, что они очень плохи и преисполнены подлой лести". В это время Висковатов, очевидно, уже больше не служил в III Отделении. — О его „переделке" Гамлета см. в статье В. Лебедева „Знакомство с Шекспиром в России до 1812 г." — в „Русск. Вестн." 1875 г., декабрь, стр. 788 — 789.

[4]) Висковатов был сам пскович и имел там родственные связи и знакомства.

дух Пушкина бессмертны: его не станет в сем мире, но дух, им поселенный, на всегда останется, и последствия мыслей его непременно поздно или рано произведут желаемое действие".

В одном из первых донесений только что назначенного агента Бенкендорфа — полковника жандармского полка И. И. Бибикова — из Москвы [1] читаем следующее:

„Partageant vos nobles intentions, je songe sans cesse aux moyens de resserrer les liens qui unissent le Souwerain à son peuple, et je pense qu'après les sujets importants dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir dans mes lettres, il est indispensable de fixer l'attention sur les étudians et sur tous les élèves en général des instituts publics: nourris, pour la plupart, dans des idées séditieuses et formés dans des principes irréligieux, ils offrent une pépiniaire qui peut un jour devenir funeste à la patrie et au pouvoir légitime.

„On ne saurait aussi avoir une surveillance assez vigilente sur les jeunes poètes et les journalistes. Mais ce n'est pas par la sévérité seule qu'on peut porter remède aux maux que leurs écrits ont fait et peuvent encore faire à la Russie, car a-t-on gagné en reléguant le jeune Pouchkin en Crimée? Ces jeunes gens se trouvant seuls dans ces déserts, séparés, pour ainsi dire, de toute société pensante, privés de toute espérance au printemps de la vie, ils distillent le fiel de leur mécontentement dans leurs écrits, inondent l'Empire d'une foule de vers séditieux qui vont porter le flambeau de la révolte dans toutes les conditions et attaquer de l'arme dangereuse et perfide du ridicule la sainteté de la religion,—frein indispensable pour tous les peuples et particulièrement pour les Russes [2]). Que l'on essaye de flatter la vanité de ces prétendus sages, et ils changeront d'opinion, car [nous] ne croyons pas que l'amour du bien ou le noble élan du patriotisme animent ces têtes exaltées,—non, c'est l'ambition qui les dévore et le désespoir d'être confondus dans la foule [3]).

„Je joins ici des vers qui circulent même en province et qui vous prouveront qu'il y a encore des malveillans:

Паситесь русские народы.
Для вас не внятен славы клич.
Не нужны вам дары свободы.—
Вас надо резать—или стричь.

[1]) Секретный Архив, № 912.
[2]) Voyez Гавриилиада сочинение А. Пушкина.
[3]) Эта фраза отчеркнута по полю и сопровождена знаком ? *Б. М.*

„Je suis forcé, Général, d'entrer dans toutes sortes de détails avec Vous, parceque Vous ne devez pas compter sur la police d'ici,—c'est comme si elle n'existait pas, et si tout est encore tranquille à Moscou, ne l'attribuez qu'à la Providence divine et au caractère paisible de la majeure partie des habitans" [1].

B—ff.

Le 8 Mars 1826.
Au № 3.

В этом донесении Ивана Петровича Бибикова, сыгравшего позже, в 1834 году, уже по выходе своем в отставку, некоторую роль в жизни поэта Полежаева (который увлекся его дочерью, Екатериной Ивановной, впоследствии, по мужу, Раевской), любопытно указание, — совершенно положительное,—о принадлежности Пушкину „Гавриилиады": дело о ней вол-

[1]) Перевод: „Разделяя Ваши благородные намерения, я непрерывно размышляю о том, какими средствами можно было бы еще крепче связать узы, соединяющие Государя с его народом, и полагаю, что, после тех важных предметов, о которых я имел честь вести с Вами беседу в моих письмах, необходимо сосредоточить внимание на студентах и вообще на всех учащихся в общественных учебных заведениях. Воспитанные, по большей части, в идеях мятежных и сформировавшись в принципах, противных религии, они представляют собою рассадник, который некогда может стать гибельным для отечества и для законной власти.

Равным образом до сих пор не умели учредить достаточно бдительное наблюдение за молодыми поэтами и журналистами. Однако, при помощи одной лишь строгости нельзя найти помощи против того зла, которое их писания уже сделали и еще могут сделать России: выиграли ли что-нибудь от того, что сослали Пушкина в Крым? Такие молодые люди, оказавшись в одиночестве в пустынях, отлученные, так сказать, от всякого мыслящего общества, лишенные всех надежд на заре жизни, они являют жалчь, вызываемую недовольством, в своих сочинениях, наводняют Государство массою бунтовщических стихотворений, которые разносят пламя восстания во все состояния и нападают с опасным и вероломным оружием насмешки на святость религии, — этой узды, необходимой для всех народов, а особенно — для русских (см. „Гавриилиаду", сочинение А. Пушкина). Пусть постараются польстить тщеславию этих непризнанных мудрецов, — и они изменят свое мнение, так как мы не верим, чтобы эти горячие головы руководились любовью к добру или благородным патриотическим порывом, — нет, их пожирает лишь честолюбие и страх перед мыслью быть смешанными с толпою.

Присоединяю здесь стихи, которые ходят даже в провинции и которые служат доказательством того, что есть еще много людей здомыслительных:

Паситесь, русские народы,
Для вас не внятен славы клич
Не нужны вам дары свободы, —
Вас надо резать — или стричь.

Я вынужден, генерал, входить с вами во все эти подробности потому, что Вы вовсе не должны рассчитывать на здешнюю полицию: ее как бы не существует вовсе, и если до сих пор в Москве все спокойно, то приписывайте это лишь Божественному Провидению и миролюбивому характеру большей части здешних жителей".

B—в.

8 марта 1826.
К № 3.

никло, как известно, лишь в 1828 г., — и потому с трудом удалось тогда отвести от себя уже готовый разразиться над ним новый удар, а Бибиков, оказывается, еще в 1826 году определенно знал автора поэмы и указывал на него Бенкендорфу, которым тогда еще только готовился взять под свое особенное наблюдение Пушкина. Затем, по странному совпадению, Бибиков приводит в своем письме, хоть и не совсем точно, стихи Пушкина же: выписанные Бибиковым четыре стиха взяты из стихотворения Пушкина „Свободы сеятель пустынный", сообщенного автором в письме к А. И. Тургеневу от 1-го декабря 1823 года, а напечатанного лишь в 1867 году. В рукописи приведенные стихи читаются так:

Насытясь, мирные народы,
Вас не пробудит чести клич!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

До Бибикова они дошли уже в искаженном виде — и с прямым приурочением к России — в одном из списков, разошедшихся, конечно, с легкой руки самого Тургенева.

В тех же упомянутых выше „BnHetins" за июнь 1826 г. в сообщении Петербургского агента I. Locatelli (за № 352), делавшего свои наблюдения в обществе в связи с работами заседавшего тогда верховного уголовного суда над декабристами, читаем следующее: „On est fortement étonné que le célèbre Пушкин qui de tout temps est connu par sa manière de penser, ne soit impliqué dans l'affaire des conspirés" [1]). Действительно, хотя имя Пушкина и фигурировало в показаниях многих декабристов, однако, отсутствие формальных поводов не позволило привлечь его к следствию, чего и сам он сильно опасался.

Ко времени, непосредственно следовавшему за казнью декабристов, относятся три любопытных документа: во 1-х, хорошо известная историкам русской общественности конца 1820-х годов и напечатанная впервые в 1877 году [2]) записка „Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оного", — записка, автор коей оставался до сих пор неизвестен [3]); во 2-х, записка об „Арзамасе" и, в 3-х, особое „дело" Секретного архива (№ 758) с расследованием о Пушкине, произведенным тайным агентом, коллежским советником Александром Карловичем Бошняком, состоявшим в ведомстве Коллегии Иностранных Дел.

[1]) Перевод: „Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков".

[2]) „Русск. Стар.", т. 18, стр. 657 — 660; записка об „Арзамасском обществе" — там же, стр. 655 — 656; И. К. Шильдер, Имп. Николай I, т. I, стр. 427 — 428.

[3]) „Русск. Стар.", т. 18, стр. 669, примеч.; „Русск. Арх." 1904, кн. II, стр. 137

Помещик Херсонской губ., „однокашник" Жуковского, б. Нерехотский (Костромской г.) Уездный Предводитель Дворянства, человек, по отзыву декабриста князя С. Г. Волконского, „умный и ловкий и принявший вид передового лица по политическим мнениям", Бошняк состоял секретным агентом при начальнике Херсонских военных поселений генерале графе И. О. Витте и в 1824—1825 г.г. играл роль провокатора в кружке членов Южного тайного общества декабристов, в которое проник, не внушая опасений, как человек светский, образованный ботаник-любитель и литератор, автор нескольких книг [1]). По поручению того же Витта Бошняк, в середине июля 1826 г., т. е., тотчас после казни декабристов, был отправлен в Псковскую губернию, для „возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян" и для „арестования его и отправления куда следует, буде бы он оказался действительно виновным. Приводим черновой рапорт Бошняка и его Записку о Пушкине по тексту, опубликованному и комментированному А. А. Шиловым в журнале „Былое" 1918 г., в статье „К биографии Пушкина" [2]).

„Командиру резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту графу Витту.

Коллегии иностранных дел от коллежского советника Бошняка

Р А П О Р Т.

В следствие словесного приказания Вашего Сиятельства, от'ехав Псковской губернии в город Ново-Ржев для препорученного исследования, текущего года, июля 19-го дня, окончил я оное того же месяца 24-го числа вечером, почему и отправил ожидавшего меня на станции Бежаницах фельд'егеря Блинкова 25-го числа в 8 часов утра обратно в С.-Петербург. Что ж найдено мною, прямо касающегося до известного предмета, равно как и до других, довольно важных обстоятельств, из'яснено в двух прилагаемых при сем записках под литерами А и В. Равным образом честь имею при сем представить для препровождения куда следует выданный под мою роспись из Канцелярии Дежурства Его Императорского Величества и оставшийся без употребления открытый лист за № 1273 на имя фельд'егеря Блинкова, также и отчет в издержанных на прогоны деньгах из числа выданных из той же канцелярии на оные 300 рублей, оставшиеся от которых 51 р. 70 к. при сем же прилагаются.

Москва [3]), Августа 1-го 1826.

[1]) О нем подробнее см. в журн. „Былое" 1918 г., № 2 (30), стр. 71.

[2]) № 2 (30), стр. 67—77. Не совсем правильные и точные сведения об этой „записке" были известны еще Анненкову: см. П. В. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874, стр. 320.

[3]) Написано было: „С.-Петербург" и „июля", но зачеркнуто.

Записка о Пушкине [1])

Целью моего отправления в Псковскую губернию было сколь возможно тайное и обстоятельное [рассмотрение поступков] [2]) исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян, и в арестовании его и отправлении, куда следует, буде бы он оказался действительно виновным.

Следуя через Порхов [3]) на Ново-Ржев, первые сведения о Пушкине получил я на станции Ашеве. Знали, что Пушкин жил в некотором расстоянии от Ново-Ржева, но совсем никаких слухов об нем не было, и потому заключали, что он вел себя весьма скромно.

По прибытии в Ново-Ржев [роспустя слух, что я путешествующий ботаник], я успел вскоре привлечь доверенность хозяина гостиницы, в которой я остановился, Дмитрия Степанова Катосова. От него я узнал о Пушкине следующее:

1-ое. Что на ярмонке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовою лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке [4]).

2-ое. Что, во всяком случае, он скромен и осторожен, о правительстве не говорит, и вообще никаких слухов об нем по народу не ходит.

3-ие. Что отнюдь не слышно, чтобы он сочинял или вел какие-либо возмутительные песни, а еще менее—возбуждал крестьян.

Стремясь к дальнейшим открытиям, я решился искать знакомств в Ново-Ржеве.

Успевши познакомиться с уездным судьею Толстым [которого удалось мне также уверить, что я ученый ботаник, нарочно приехавший провести несколько дней в Ново-Ржеве и в окрестностях оного, и возбудил его откровенность]: о Пушкине я узнал как от него, так и от бывшего у Толстого в гостях смотрителя по винной части Троянковского, что Пушкин живет весьма скромно, ни в возбуждении крестьян, ни в каких-либо поступках, ко вреду правительства устремленных, не подозревается.

---

[1]) Она, вероятно, в чистовом рапорте была помечена автором А.

[2]) Здесь, как и далее, в прямых скобках поставлено то, что в черновом рапорте зачеркнуто, но заслуживает внимания.

[3]) Из заметок Бошняка на л. 2 видно, что в Порхов он прибыл с фельдъегерем Блиновым *20-го июня*, в 9 час. пополудни; здесь Блинков был им оставлен до ночи *23-го числа*.

[4]) Ср. этот рассказ с записью торговца И. И. Лапина о свидании с Пушкиным в Святых же Горах годом ранее: 2-го мая 1825 г. . . . .„Имел щастие видеть Александра Сергеевича Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в синей красной рубашке, опоясавши голубою ленточкой, с железною в руке тростью, с предлинными черными бакенбардами, которые более походили на бороду, также с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу на апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю, около ½ дюжины" (Л. Н. Софийский. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков 1912, стр. 203; перепечатано в газ. „День" 27 окт. 1912 г., № 26).

Познакомясь в гостинице с уездным заседателем Чихачевым, я услышал от него, что он, Чихачев, с Пушкиным сам лично знаком, что Пушкин ведет себя весьма скромно и говаривал не раз: „Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает: я же сам никода на галерах [1]) не буду".

За обедом у Толстого, к которому и я был приглашен, находился близкий Пушкина сосед, Г. Львов, бывший сряду два последние трехлетия псковским губернским предводителем [2]), человек богатый и отменно здравым рассудком одаренный. Львов, исполненный, как казалось, истинного негодования противу злонамеренных, конечно, не скрывал своих замечаний о Пушкине. Он говорил:

1-ое. Что известные по сочинениям мнения Пушкина, яд, оными разлитый, ясно доказывают, сколько сей человек, при удобном случае, мог бы быть опасен; что мнения его такого рода, что, отравив единожды сердце, никогда уже измениться не могут.

2-ое. Что, впрочем, поступки Пушкина, отнюдь с прежними писаниями его не согласны; что он, Львов, хотя и весьма близкий ему сосед, но ничего предосудительного о нем не слышит; что Пушкин живет очень смирно, и что совершенно несправедливо, чтоб он старался возбуждать народ.

Поелику все сии известия были неудовлетворительны, я решился ехать к отставному генерал-майору Павлу Сергеевичу Пущину, от которого вышли все слухи о Пушкине, сделавшиеся причиною моего отправления [3]). [Название путешествующего ботаника и ложный поклон будто бы от графа Ланжерона, которого я никогда не видал, открыли мне путь]. Мне посчастливилось открыть себе путь к знакомству с ним, с женою и с сестрою его. Пробыв в селе его Жадрицах целый день, в общих разговорах узнал я:

1-ое. Что иногда видали Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе.

2-ое. Что Пушкин дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними.

3-ие. Что иногда сядет верхом и, достигнув цели своего путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу.

---

[1]) Т. е. в каторге.

[2]) Полковник Алексей Иванович Львов был губернским предводителем лишь одно трехлетие—1823—1826 гг.

[3]) С Пущиным Пушкин был знаком еще по Кишиневу, где Пущин был командиром местной бригады и был отставлен в 1822 г.; в масонской ложе, основанной Пущиным — „Овидий № 25" — в Кишиневе, Пушкин был членом. Известно шутливое послание Пушкина к Пущину (1821 г.), в коем поэт называет его иронически—„Грядущим нашим Квирогою" (Квирога — известный тогда испанский революционер); вообще, по словам Лаланди, „Пушкин неоднократно подсмеивался над Пущиным" — что, может быть, и было причиною неодобрительного отношения его к поэту-соседу; впрочем позже, в начале 1830 г., Пушкин обращался к Пущину с письмом по делу судившейся с Пущиным П. А. Осиповой. (См. Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 589—581; Сочинения Пушкина, акад. издание, т. II; „Былое" 1906, № 12, стр. 235).

4-ое. Думали, что Пушкин продолжает писать, но никаких новых стихов его или песен ни в простом народе, ниже в дворянстве известно не было.

5-ое. Пушкин ни с кем не знаком и ни к кому не ездит, кроме одной госпожи Есиповой [1], своей родственницы; чаще же всего бывает в Святогорском монастыре.

6-ое. Впрочем, полагали, что Пушкин ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего; что он говорун, часто взводящий на себя небылицу, что нельзя предполагать, чтобы он имел действительные противу Правительства намерения, в доказательство чего и основывались на непричастности его к заговору, которого некоторые члены состояли с ним в тесной связи; что он столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить; наконец, что он человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе не способный к основанному на расчете ходу действий.

Видя, что все собранные в доме Пушкиных сведения основываемы были, большею частью, не на личном свидетельстве, а на рассказах, столь обыкновенных в деревнях и уездных городках, я решился искать истины при самом источнике, то-есть, в Святогорском монастыре [отстоящем в 3½ верстах от местопребывания Пушкина и столь часто им посещаемом].

По прибытии на ночь в монастырскую слободу [при Святогорском Успенском монастыре состоящую], я остановился у богатейшего в оной крестьянина—Ивана Никитина Столарева. На распросы мои о Пушкине, Столарев сказал мне следующее:

1-ое. Что Пушкин живет в 3½ в. от монастыря, в селе Зуеве [2], где, кроме церкви и господского строения, нет ни церковно-служительских, ни крестьянских домов.

2-ое. Что Пушкин обыкновенно приходит в монастырь по воскресеньям.

3-ье. Что ему всегда случалось видать его в сюртуке и иногда, в жары, без косынки.

4-ое. Что Пушкин — отлично добрый господин, который [давал на водку] награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей: ведет себя весьма просто и никого не обижает.

24-го, в субботу [3] рано по утру, отправился я в Святогорский Успенский монастырь к игумену Ионе [4] и, обратя внимание его щедротами на

---

[1]) Т. е., Тригорская помещица Прасковья Александровна Осипова. Она была не в родстве, а в свойстве с Пушкиными: ее сестра, Елисавета, была замужем за Яковом Исаковичем Ганнибалом, двоюродным братом Надежды Осиповны Пушкиной, матери поэта.

[2]) Михайловское называлось в просторечии Зуевым. Церковь была не в Михайловском, а в соседнем Тригорском или, вернее, Воронине.

[3]) Т. е. 24 июня.

[4]) Об игумене Святогорского монастыря Ионе и об отношениях его к Пушкину — см. Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 329-331 — ст. А. И. Яцимирского. Святые Горы—место вечного упокоения Пушкина.

пользу монастырскую, провел я у него целое утро [в молитве, осматривании строении и в разговорах]. От него о Пушкине я узнал следующее:

1-ое. Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним яблинку и занимается разговорами.

2-ое. Кроме Святогорского монастыря и госпожи Осиповой [1], своей родственницы, он нигде не бывает, но иногда ездит и в Псков.

3-ье. Обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе.

4-ое. Никаких песен он не поет, и никакой песни им в народ не выпущено.

5-ое. На вопрос мой — „не возмущает ли Пушкин крестьян", игумен Иона отвечал: „он ни во что не мешается и живет, как красная девка".

По возвращении на квартиру и расплатясь с хозяином [щедрою рукою], я узнал от него еще в подтверждение слышанного, что Пушкин ни у кого не бывает, кроме родственницы своей г-жи Осиповой, не посещает [никогда] окружных деревень и заходит только в их монастырь; ни с кем не знается и ведет жизнь весьма [скромную] уединенную. Слышно о нем только от людей его, которые не могут нахвалить я своим барином.

Не находя более никаких средств к дальнейшим разведываниям, в 2 часа пополудни отправился я обратно в Ново-Ржев. Проезжая через удельную деревню Губину, соседственную с селом Пушкина, я нашел в оной, по причине рабочей поры, только одного крестьянина, который подтвердил мне, „что Пушкин нигде в окружных деревнях не бывает, что он живет весьма уединенно, и губинским крестьянам, ближайшим его соседям, едва известен". Таким образом удостоверясь, что Пушкин не действует решительно к возмущению крестьян, что особого на них впечатления не произвел, что увлекается, может быть, только случайно к неосторожным поступкам и словам порывами неукротимых мнений, а еще более — желанием обратить на себя внимание странностями, что действительно не может быть почтен,—по крайней мере, по ныне, распространителем вредных в народе слухов, а еще менее—возмутителем,—я, согласно с данными мне повелениями, и не приступил к арестованию его и, возвратясь на станцию Бежанница, где оставлял прибывшего со мною фельдъегеря, отпустил его, как более не нужного, обратно в С.-Петербург".

„Что же послужило", спрашивает А. А. Шилов в цитированной статье своей: „причиною надвинувшейся над ничего не подозревавшим Пушкиным грозы, — надвинувшейся как раз в то время, когда он „вполне и искренне хотел помириться с правительством" и беспокоился, „что его оставили в покое" [2]), и даже 19-го июля 1826 г. представил на высочайшее имя прошение о дозволении ему ехать в Москву или С.-Петербург, или же в чужие края для излечения болезни?"—

„Из „Записки о Пушкине", говорит он: видно, что его подозревали в „сочинении и пении возмутительных песен и в возбуждении крестьян

[1]) Здесь фамилия соседки Пушкина написана правильно.

[2]) Сочинения Пушкина. Переписка, акад. изд., т. I, стр. 326, 358.

к вольности". Источником этого подозрения не был донос, а только сплетни-слухи, „столь обыкновенные в деревнях и уездных городах" и вышедшие, главным образом, от соседа по имению — П. С. Пущина; их основанием, конечно, послужили и образ жизни поэта, и отношение его к соседям-помещикам.

„Отношение к уединенному образу жизни Пушкина, подчеркнутому неоднократно разными лицами: „ни с кем не знаком, ни к кому не ездит" — удивительно живо напоминает отношение помещиков к Евгению Онегину, который тоже вызвал к себе неодобрение своих соседей:

„. . . За то в углу своем зевулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так:
Что он опаснейший чудак" [1]).

„Поражало окрестных помещиков и гуманное отношение Пушкина к крестьянам, опять напоминающее Евгения Онегина, как к своим, так и к жившим в соседних деревнях: „Он дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними", — показывает П. С. Пущин; „отлично добрый господин, который давал на водку за услуги даже собственным своим людям; ведет себя весьма просто и никого не обижает; люди не могут нахвалиться своим барином",—вторит содержатель гостиницы.

„Близость к простому народу, какие-то разговоры с крестьянами, посещение ярмарок в Святогорском монастыре, интерес к народным песням, конечно, тоже интриговали помещиков и даже послужили основанием для легендарного предания об участии Пушкина в хоре слепцов и заарестовании его исправником, не узнавшим поэта [2]). Соседние помещики, не понимая, что мог поэт получить от крестьян, могли только сделать предположение, что Пушкин сближается с ними, в целях распространения с в о и х „возмутительных" произведений. По крайней мере, посланный Бошняк получил ответ: „никаких песен он не поет, и н и к а к о й п е с н и и м в н а р о д н е в ы п у щ е н о".

„Окончательно приводил в недоумение совершенно необычный для дворянина костюм Пушкина: русская рубашка, розовый пояс, соломенная широкополая шляпа и железная трость в руках—фигурирует во всех ответах лиц, знавших и встречавших поэта. Досужие умы, любившие вести „благоразумные разговоры"

„О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне"

---

[1]) „... Я пользуюсь между своими соседями репутацией Онегина", — писал в окт. 1824 г. Пушкин кн. В. Ф. Вяземской.—См. там же, т. I, стр. 137.

[2]) Сочинения А. С. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 326 — 327. (Ст. А. И. Яцкимирского—„Святые Горы, место вечного успокоения Пушкина").

недоумевали, чем можно об'яснить все эти странные поступки опасного молодого соседа. И, конечно, ссылка на юг России и высылка на жительство под надзор полиции, в имение, создали Пушкину среди псковских помещиков совершенно определенную репутацию автора „возмутительных и вольных“ стихотворений. Большинство произведений тогдашней „потаенной“ литературы связывалось с его именем, и недаром Пушкин бросил в письме к Вяземскому раздраженную фразу: „все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова“ [1]).

„Все эти толки-сплетни о странных поступках Пушкина, после 14 декабря 1825 г., получили в глазах перепуганных и мало что понимавших „Пустяковых, Зарецких, Буяновых, Петушковых“, до некоторой степени, логическое об'яснение. Политический заговор декабристов, близость Пушкина к многим из них, „вольные его стихотворения“ и близкое отношение к крестьянам были поставлены в тесную связь, и о Пушкине стали говорить, как о человеке, возбуждающем крестьян к вольности. Вероятно, случайный разговор П. С. Пущина сделал известным эти досужие слухи в Петербурге и вызвал необходимость назначить особое расследование о поступках Пушкина; тем более, что правительство, отыскивая следы влияния декабристов на крестьян, не могло оставить без внимания слухов о „возбуждении крестьян к вольности“ столь известным своим злонамеренным поведением сосланным поэтом.

„К счастию для поэта, проверка, осторожно произведенная опытною рукою доверенного человека, выяснила всю неосновательность этих вымыслов. Расследование, произведенное среди крестьян и содержателей гостиниц и постоялых дворов (хозяин Новоржевской гостиницы, крестьянин Святогорской слободы, хозяин постоялого двора в той же слободе, крестьянин удельной деревни Губиной), решительно опровергло все слухи о сочинении „возмутительных песен“, а тем более в возбуждении крестьян, и даже выставило поэта в удивительно мягком и привлекательном свете. За то местные чиновники и помещики, знавшие и встречавшиеся с Пушкиным (уездный судья Толстой, смотритель по винной части Трояновский, уездный заседатель Чихачев, предводитель дворянства Львов, П. С. Пущин), в своих отзывах не пожалели темных красок при характеристике Пушкина: „яд, разлитый его сочинениями, показывает, сколь человек, при удобном случае, мог быть опасен“; „Пушкин — говорун, часто взводящий на себя небылицы“; он „так болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его присвоить“; что он „человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе неспособный к основанному на рассчете ходу действия“. Но и они вынуждены были опровергнуть подозрение в возбуждении крестьян и в „поступках, ко вреду государства устремленных“.

„Таким образом, никаких открытий не удалось сделать, и надвинувшаяся вплотную на ничего не подозревавшего Пушкина гроза, в виде ловкого самозванца-ботаника, специалиста по розыскным делам, и фельд'-

---

[1]) Сочинения Пушкина. Переписка, акад. изд., т. I, стр. 358.

егеря Блинкова, несколько дней дожидавшегося на почтовой станции намеченной жертвы с открытым листом об аресте, на этот раз пронеслась мимо: Пушкин „действительно, не может быть почтен, по крайней мере, поныне, распространителем вредных в народе слухов, а еще менее—возмутителем",—заканчивает свою „Записку о Пушкине" А. К. Бошняк.

„Весьма возможно",—пишет А. А. Шилов: „что негласный розыск, по времени совпадающий с подачею Пушкиным, чрез Псковского губернатора Бор. Ант. Адеркаса, всеподданнейшего прошения о снятии опалы, и благоприятные для Пушкина результаты расследования могли ускорить удовлетворение его просьбы. 30 июля 1826 года прошение было послано Министру Иностранных Дел графу К. В. Нессельроде, а 31 августа того же года Б. А. Адеркасу было уже отправлено требование дежурного генерала Главного Штаба И. И. Дибича—немедленно доставить Пушкина в Москву с нарочным фельд'-егерем, причем „г. Пушкин мог ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта" [1]).

Второй упомянутый нами выше документ той же эпохи, нашедшийся в Архиве III Отделения, — известная записка „Нечто о Царскосельском Лицее".—Чистовая рукопись ее, писанная, вероятно рукою писаря-каллиграфа для представления Императору Николаю на прочтение, хранилась в секретном отделе Военно-Ученого Архива Главного Штаба, с пометою на ней: „Единственно для Высочайшего сведения" [2]); основываясь на черновой подлинной рукописи этой записки, сохранившейся в секретном архиве того же Архива III Отделения (под № 1123) вместе с запискою об „Арзамасе", мы можем сообщить более исправный текст ее, и с достоверностью установить по почерку автора обеих: это был никто иной, как пресловутый издатель „Северной Пчелы"—Фаддей Булгарин, ретиво помогавший III Отделению, особенно в начале его деятельности,—повидимому, как доброволец-осведомитель, а не как наемный шпион, и выказавший себя в этих записках убежденным „гасителем" [3]). Записки, как мы сказали,—черновые, „брульоны", написаны обе „смаху", со многими поправками и зачеркнутыми целыми абзацами: они, повидимому, послужили лишь материалом для представленного через Дибича мемуара, подвергшись при этом некоторым сокращениям под опытной рукой фон-Фока. В виду тесной связи этих записок (а особенно—конца первой) с дальнейшею судьбою лицеиста-Пушкина, из которого и сам Бенкендорф, и его помощники столь старательно искореняли и вытравляли ненавистный им, как и Булгарину, „лицейский дух", а также потому, что в автографах Булгарина они представляют очень значительные дополнения к известному в печати тексту и при том дают возможность восстановить то, что автором было написано, но затем зачеркнуто, — мы приводим здесь обе записки полностью.

---

[1]) Письма Пушкина и к Пушкину. Под ред. Б. Брюсова, Москва 1903, стр. 32.

[2]) Д. Ф. Кобеко. Императорский Царскосельский лицей, С.-Пб. 1911, стр. 256.

[3]) О Булгарине см. очерк М. К. Лемке в его книге „Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, С.-Пб. 1904, стр. 369—427.

Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оного

Что значит Лицейский дух.—Откуда и как он произошел.—Какие его последствия и влияние на общество.—Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных Монархических правил.

1. Что значит Лицейский дух. В свете называется Лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем равенства. Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры Правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на Русском языке, а на Французском знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того он должен толковать о Конституциях, Палатах, выборах, Парламентах; казаться неверующим христианским догматам, и более всего представляться Филантропом и Русским патриотом. К тону принадлежит также обязанность насмехаться над выправкою и обучением войск, и в сей цели выдумано ими слово шагистика. Пророчество перемен, хула всех мер или презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь, суть отличительные черты сих господ в обществах. Верноподданный значит укоризну на их языке, Европеец и Либерал—почетные названия. Какая-то насмешливая угрюмость вечно затемняет чело сих юношей и оно проясняется только в часы буйной веселости.

Вот образчик молодых и даже многих не молодых людей, которых у нас довольное число. У лицейских воспитанников, их друзей и приверженцев, этот характер называется в свете: лицейский дух. Для возмужалых людей прибрано другое название: Mépris Souverain pour le genre humain, а в сокращении mépris; для третьего разряда, т.-е. сильных крикунов — просто либерал. Например: каков тебе кажется такой-то: хорош, но с лицейским душком, или: хорош, но mépris или прямо: либерал.

2. Откуда и как он произошел. Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты Мартинистов, которая в конце царствования императрицы Екатерины II существовала в Москве, под начальством Новикова, и даже имела свои ложи и тайные заседания. Иван Владимирович Лопухин, Тургенев (отец осужденного в Сибирь) [1]), Муравьев (отец Никиты, осужденного) и многие лица, которые здесь не упоминаются, сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Свя-

[1]) Записка Булгарина,—следовательно, написана была после 13-го июля 1826 года, т.-е. после приведения в исполнение приговора над декабристами.

щенного писания, масонства, мистицизма, распространения книг иностранных вредного содержания и издания книг чрезвычайно либеральных на Русском языке. Хотя сих последних осталось весьма немного, но о истреблении оных должно поручить попечение людям умным, расторопным и благомыслящим—независимо от какой-нибудь Министерской власти. Подобные комиссии поручаются обыкновенно людям, служащим по Министерству Просвещения, где менее всего находится людей сведущих, умеющих различить пользу от вреда и знающих Русскую библиографию. Из желания выслужиться, они бросаются на какие-нибудь фразы и вместо пользы для Правительства производят соблазн и вред. Об этом в другом месте поговорим подробнее.

Когда Новиков был сослан в Сибирь [sic! *Б. М.*] и секта его рушилась, рассеянные адепты стали по разным местам отдельно проповедывать его учение. Тургенев был Попечителем Московского Университета, находился в дружбе с Мих. Никитичем Муравьевым и рекомендовал ему многих молодых людей своего образования, которых сей последний пускал в ход, по своим связям. Другие делали тоже,—и вскоре, люди, приготовленные неприметно, большая часть сами не зная того, взяли перевес в свете и по службе и по отличному своему положению, стоя, так сказать, на первых местах картины, сделались образцами для подражания. Новикова и Мартинистов забыли, но дух их пережил и, глубоко укоренившись, произвел беспрестанно горькие плоды. Должно заметить, что план Новиковского общества был почти тот же, как Союза благоденствия, с тою разницею, что Новиковцы думали основать малую республику в Сибири, на границе Китая, и по ней преобразовать всю Россию.

Французская революция была благотворною росою для сих горьких растений. Ужас, произведенный ею, исчез, — правила остались и распространились множеством выходцев, коим поверяли воспитание и с коими дружились без всякого разбора. Кратковременное царствование императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только пеплом. Настало царствование Императора Александра и новые обстоятельства дали новое направление сему духу и образу мыслей.

До 1807 года продолжались различные благие начинания в отношении к воспитанию, к просвещению и Государственному управлению. Но как по несчастному стечению обстоятельств не было довольного числа способных людей для управления всеми частями нововведений, то они, при всем благом намерении Государя Императора, с сего времени начали разрушаться или приняли совсем другое направление. Завели везде народные школы, не имея достаточного числа порядочных учителей и смотрителей, — и от того они не достигли своей цели. Университеты, образованные не в нравах Русских, но на Немецкую ногу, не принесли ожиданной пользы. В Германии юношество приезжает охотою учиться, и молодые люди живут без надзора на вольных квартирах, посещая по произволу лекции. У нас этот порядок или, лучше сказать, беспорядок имел самое вредное влияние на нравы и образ мыслей. Молодые люди утопали в разврате и вовсе не учились, и если из сего времени вышло несколько образованных людей,

то это из Московского Университетского Пансиона, где воспитанники жили под присмотром; из Университета же вышло несколько из Остзейских дворян и несколько бедняков, пристрастных к учению, но весьма мало. Управление Университетов на Германский образец также не принялось в России: чинопочитание исчезло, а науки мало подвинулись вперед. Словесность и Науки представляют едва несколько ученых из всего этого огромного заведения и ни одного Литератора.

Неспособность некоторых частных лиц исказила прекрасное учреждение Министерств [1]). Вместо того, чтобы посредством Министерской власти содействовать успехам различных частей Государственного управления, вместо того, чтобы Министр, держа в руке последнее звено электрической цепи, мог по произволу сообщать движение всей массе и, обнимая орлиным взглядом целое, наблюдать за ходом машины; все действие Министров ограничилось подписыванием бумаг, мелочами, деталями, а все действия чиновников—производством бумаг, получением и отправлением оных. Переходя от одной мелочи к другой, занимаясь пустою перепискою, министры пренебрегали общими видами, усовершенствованиями, ходом, направлением дел. Корыстолюбцы, интриганы и пролазы воспользовались этим и замешали более дела, чтобы, как говорится, в мутной воде ловить рыбу. Главное внимание обращалось на то, чтобы все было по штату и на бумаге, о настоящем заботились только те, которые имели в том личные свои выгоды. Из сего произошло то, что теперь уже сделалось известным мудрому нашему Монарху. В просвещении — пренебрежено главнейшее: воспитание и направление умов к полезной цели посредством литературы [2]). [В Финансах — упадок кредита, торговли и фабрик, истребление государственных лесов, недоверчивость в сделках с правительством, питейная система, гильдейское положение и т. п. В Юстиции—взятки, безнравственность, решение и двойное, тройное перерешение дел по протекциям, даже после высочайшей конфирмации. В Министерстве Внутренних Дел — совершенный упадок полиции и безнаказанность губернаторов и всех вообще злоупотреблений. В Военном министерстве — расхищения. Возник всеобщий ропот, который был приглушен громом оружия. Наступил мир. Почти целое юношество, возвратясь из-за границы, начало сравнивать, судить, толковать, перетолковывать и, не видя или не постигая или даже не желая видеть, что все зло произошло не от порядка вещей, а от недостатка способных людей, все приписывало дурному учреждению порядка вещей. Никто не заботился направлять общее мнение, воспитывать, так сказать, взрослых людей, доказать им, что Россия по составу своему, по обширности, по малонаселенности, по разнообразию народов, по недостатку всеобщего просвещения, неспособна принять образа правления, выхваляемого в иностранных государствах. Вредоносное дерево росло на открытом воздухе: почва его тучнела от разглашения различных злоупотреблений,

---

[1]) Было написано: Неспособность некоторых министров и учреждение излишнее бюрократии испортили сие прекрасное учреждение.

[2]) Дальнейший абзац зачеркнут и нами здесь взят в прямые скобки.

которые были общим предметом разговоров и суждений]. О других Министерствах здесь упоминать не место.

Во время самой сильной ферментации умов, в 1811 году новозаведенный Лицей наполнился юношеством из хороших фамилий. Молодым Людям преподавали науки хорошие профессоры, их одевали чисто, помещали в великолепных комнатах, кормили прекрасно,—но никто не позаботился, даже не подумал, что этому новому рассаднику должно было дать свет и влажность в одинаковой пропорции и не оставлять одни произрастения расти в тени, а другие—на солнце, одни на тучной, другие на бесплодной земле. Все это предоставлено было случаю. Никто не взял на себя труда испытать нравственность каждого ученика (а их было весьма не много), узнать, в чем он имеет недостаток, какую главную страсть, какой образ мыслей, какие понятия о вещах, чтобы, истребляя вредное в самом начале, развить понятия в пользу настоящего образа правления и к сей цели направлять все воспитанце юношества, назначенного занимать важные места и по своему образованию давать тон между молодыми людьми. Это именно ускользнуло от наставников,—впрочем, людей добрых и благомысленных.

В Царском Селе стоял Гусарский полк, там живало летом множество семейств, приезжало множество гостей из столицы, — и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральные, которые кружили в свете. Должно заметить, что тогда было в тоне посещать молодых людей в Лицее; они даже потихоньку (т. е. без позволения, но я в н о) ходили на вечеринки в домы, уезжали в Петербург, куликали с офицерами и посещали многих людей в Петербурге, игравших значительные роли, которых я не хочу называть. В Лицее начали читать все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей.

После войны с Французами (в 1816 и 1817 годах) образовалось Общество под названием Арзамасского. Оно было ни литературное, ни политическое в тесном значении сих слов, но в настоящем своем существования клонилось само собою и к той, и к другой цели. Оно сперва имело в намерении пресечь интриги в словесности и в драматургии, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцев-словесников. Члены общества были неизвестны или хотя известны всем, но не об'являли о себе публике; но общество было явное. Оно было шуточное, забавное, и во всяком случае принесло бы более пользы, нежели вреда, если б было направляемо кем-нибудь к своей настоящей цели. Но как никто о сем не заботился, то Арзамасское общество без умысла принесло вред, особенно Лицею. Сие общество составляли люди, из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, шли в свете по блестящему пути и почти все были или дети членов Новиковской Мартинистской секты, или воспитанники ее членов, или товарищи и друзья и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе! Вскоре это общество сообщило свой дух большой части юношества

и, покровительствуя Пушкина и других лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень. Не упоминаю о членах Арзамасского общества, ибо многие из них вовсе переменили образ мыслей и стоят на высоких степенях.

И так, не науки и не образ преподавания оных виновны в укоренении либерального духа между Лицейскими воспитанниками. Во-первых, политические науки преподавались в Лицее весьма поверхностно и мало; во-вторых, едва несколько слушали прилежно курс политических наук, и те именно вышли не либералы, как, например, Корф и другие; либеральничали те, которые весьма дурно учились и, будучи школьниками, уже хотели быть сочинителями, судьями всего,—одним словом, созревшими. Профессоры Кайданов, Кошанский, Куницын,—все люди добрые, образованные и благонамеренные; они почли бы себе за грех и за преступление толковать своим ученикам то, чего не должно. Но направление (impulsion) политическое было уже дано извне, и профессоры, беседуя с учениками только в классах, не только не могли переделать их нравственности, но даже затруднялись с юношами, которые делали им беспрестанно свои вопросы, почерпнутые из политических брошюр и запрещенных книг. Весьма вероятно, что составившееся в 1816 году Тайное Общество, распространив вскоре круг своего действия на Петербург, имело умышленное и сильное влияние на Лицей. Начальники Лицея, под предлогом благородного обхождения, позволяли юношеству безнаказанно своевольничать, а на нравственность и образ мыслей не обращали ни малейшего внимания. И как с одной стороны правительство не заботилось, а с другой стороны частные люди заботились о делании либералов, то дух времени превозмог—и либерализм укоренился в Лицее, в самом мерзком виде. Вот как возник и распространился Лицейский дух, который грешно назвать либерализмом! Во всех учебных заведениях подражали Лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружиться с Лицейскими и подражать им.

3. Какие последствия и влияния его на общество? Молодые люди, будучи не в состоянии писать о важных политических предметах, по недостатку учености, и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы противу правительства, которые вскоре распространялись, приносили громкую славу молодым шалунам и доставляли им предпочтение в кругу зараженного общества. Они водились с офицерами гвардии, с знатными молодыми людьми, были покровительствованы Арзамасцами и членами Тайного общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурные дела пользуясь в свете наградами и уважением, тем давали самое пагубное направление обществу молодых людей, которые уже в домах своих не слушали родителей, в насмешку называли их верноподданными и почитали себя преобразователями, детьми нового века, новым поколением, рожденным наслаждаться благодеяниями своего века. Все советы были тщетными. Они почитали себя выше всех [1]). „Дух журналов“ был отголоском их мнения—может быть и неумышленно.

[1]) В этой всей тираде—несомненное кивание на Пушкина и друзей его молодости.

4. Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных монархических правил. Если кто хочет переменить течение ручья, то должен начинать его у самого истока; лестницу должно мести с верхних ступеней. Для истребления чего-либо не довольно приказать, чтобы исполняли новые правила,—надобно выбрать исполнителей и наблюдать за ними, а не то—новое положение останется только в наружности и на бумаге. Ныне нельзя уже употреблять тех средств, которые пригодились бы лет 30 тому назад или даже 15. Если стадо бежит вперед, то пастырю нельзя остановить его или воротить, не двигаясь с места: надобно, чтобы он забежал вперед и чтобы имел искусных и послушных псов. Правительству также надобно подвигаться вперед и действовать сообразно с духом времени и с понятиями тех, коих должно поставить на истинный путь. Первый шаг уже сделан: Мудрый Государь наш начал печись о воспитании. Дай Бог, чтобы ему удалось выбрать на безлюдьи хороших начальников учебных заведений. Но у нас нет вовсе Педагогов, и один только счастливый случай может указать полезных людей, которые бы с искусством исполняли благие виды Государя.

Ныне наступил век убеждения, и чтобы заставить юношу думать, как должно, надобно действовать на него нравственно. Но пример лучше покажет недостатки средств и меры, кои должно употреблять.

Несколько лет тому назад воспитанник Виленской Гимназии,—Платер, написал на доске: Виват, да здравствует Конституция 3 Мая! В России это вышло бы из обыкновенного порядка вещей, но в Польше, где каждый помнит прежний порядок вещей и толкует о нем, вещь эта не была сама по себе удивительною. Принявшись поправлять, испортили дело... Это случилось именно в день 3 Мая. Один учитель донес о сем: всех школьников разогнали, Платера отдали в солдаты, наставников удалили—и сделали то, что юноши, которые прежде не думали о Конституции 3 Мая, почли ее священною вещью, а себя—мучениками! Родители и учители превратились в недовольных, и дух, усыпленный прежде, возник и распространился со вредом для Правительства, без пользы для юношества. Я бы сделал так: 1) Сперва узнал бы я, откуда родилась в голове юноши идея прославлять Конституцию? Если в Училище, то от кого; если из дома, то в каком виде сообщилась ему. 2) Я бы удостоверился, способен ли мальчик к принятию других идей. 3) Сделано ли сие по мгновенному порыву юности, или с целью. Исследовав сие, и я бы решил: должно ли изгнать мальчика, не возбуждая в других сильного к нему участия, или оставить его и перевоспитать. Я бы не сказал: не делайте и не говорите, а не то — выгоню и высеку. За другие шалости можно так обходиться, но где действует мысль и убеждение, там должно противодействовать убеждением. Я уверен, что этим я бы не истребил зла,—сделал бы только лицемеров и упустил бы из виду зло, за которым мне надлежало наблюдать. Я бы взял на себя труд заняться направлением юных умов, сбившихся с истинного пути. Я бы растолковал юношам, что географическое пространство России, смешение различных народов, малонаселение, степень просвещения—требуют настоящего образа правления; поставил бы в пример падение конституционной

Польши и возвышение самодержавной России, — словом, согрел бы юные умы историческими примерами, великими видами на поприще Монархическом, и, вероятно, будучи умнее и ученее воспитанников, убедил бы их в противном и искоренил зло в самом его начале. Если б я удостоверился тайно, что труды мои тщетны, — тогда бы распустил учеников и набрал новых.

Вообще с юношеством гораздо легче ладить, нежели с взрослыми: стоит только заняться их нравственностью, привязать к себе ласкою и строгим правосудием, а не заниматься одною механическою частию учения. Нынешние начальники Лицея, люди добрые и благонамеренные, но неспособные к великому делу преобразования духа и образа мыслей. Ученики не любят их, не уважают и не имеют к ним доверия. В целой России я вижу одного только способного к тому человека,— это именно: Полковник Броневский, Инспектор классов Тульского Училища, которое всем обязано ему одному [1]). Козлаков там Директором для формы. Я читал замечания Броневского обо всех корпусах и военных училищах в Петербурге; он показывал мне это по доверенности. Чудная вещь: Броневский — человек необыкновенно умный и совершенно знает свое дело. Это единственный педагог, которого можно употребить для преобразования. Он отменно привязан к Царской Фамилии и со слезами непритворными рассказывал мне о Наследнике Престола. Он беден и это одно заставит его переселиться сюда или куда угодно.

Для истребления Лицейского духа в свете должно, во-первых, употребить благонамеренных Писателей и Литераторов, ибо все это юношество льнет к Словесности и к людям, имеющим на оную влияние. В новом Цензурном Уставе [2]) находится одна важная погрешность, препятствующая преобразованию мыслей, погрешность, с первого взгляда неприметная: там сказано, что все Писатели должны непременно, под лишением собственности, стараться направлять умы к цели, предназначенной Правительством. Это надлежало делать, но не говорить, потому что сим средством истребляется доверенность к Правительству и Писателям, и юношество не станет ничему верить, что писано будет по-Русски, полагая, что все пишется не по убеждению, не по соображению ума, а по приказу. Надлежало бы заставить Писателей доказывать, рассуждать и убеждать силою красноречия. По нынешнему Уставу этого делать нельзя, ибо каждый может перетолковать как ему угодно фразу и посредством интриги сделать несчастие человека самого благонамеренного: сим Уставом Писатели и Журналы подчинены безусловной воле Министра, который может одним словом запрещать издания и книги. Прежде это делалось не иначе, как с Высочайшего повеления, а писатели и публика были спокойны и не боялись интриг, влияний на Министра его приближенных и т. п. [3]).

---

[1]) Хотя и значительно позже (в апреле 1840 г.) генерал-маиор Дмитрий Богданович Броневский был назначен Директором Лицея.

[2]) Т.-е., Уставе 10 Июня 1826 г., т.-наз. „Шишковском".

[3]) Здесь и далее Булгарин, несомненно, говорит уже и pro domo sua как писатель и издатель „Северной Пчелы".

Должно также давать занятие умам, забавляя их пустыми театральными спорами, критиками и т. п. У нас, напротив того, всякой бездельный шум в свете от критики возбуждает такое внимание, как какое-либо возмущение. И вместо того, чтобы умным и благомыслящим людям радоваться, что в обществах занимаются безделицами с важностью,—начальники по просьбам актрис или подчиненных им Авторов тотчас запрещают писать, преследуют автора и Цензора за пустяки,—и закулисные гнусные интриги налагают мертвое молчание на Журналы. Юношество обращается к другим предметам и, недовольное мелочными притеснениями, сгоняющими их с поприща литературного действия, мало по малу обращается к порицанию всего, к изысканию предметов к порицанию, наконец, — к политическим мечтам и—погибели.

Должно знать всех людей с духом Лицейским, наблюдать за ними, исправимых — ласкать, поддерживать, убеждать и привязывать к настоящему образу правления; возможность этого доказывается членами Арзамасского общества, которые, будучи все обласканы Правительством, сделались усердными чиновниками и верноподданными [1]). Неисправимых—без соблазна (sans scandal et sans éclat) можно растасовывать по разным местам Государства обширного на службу, удаляя их только от пороховых магазинов, т.-е., от войска в бездействии, и от легионов юношей, служащих для виду при Министерствах и толпящихся в столицах вокруг порицателей (frondeurs) и крикунов. Должно стараться, чтобы крикуны и недовольные не имели средоточия действия, мест собраний; должно пресечь их влияние на толпу—и они будут неопасны. С действующими противозаконно и явными ругателями—другое дело—об этом не говорится.

Должно бы истребить весьма легкое перехождение в дворянство—с чином 8 класса. Множество дворян без имени и без собственности унижает звание, почетное в Монархии, и рождает толпы беспокойных, которые имеют в виду многое, не опасаясь потерь. — Это важное обстоятельство, требующее особенного внимания.

Действуя и поступая таким образом, с развитием во всей обширности всего того, о чем здесь только говорено намеками, я уверен, что в десять лет Россия будет тем, чем была в среднее время Царствования Императрицы Екатерины II, — славная, сильная, с просвещением, без идей революционных. Честолюбию и славолюбию будут открыты поприща; стоит ввести юношество на путь, — оно пойдет по нем с радостью и увлечет за собою все дворянство".

Урок и наставления Булгарина, данные в этой записке, не прошли бесследно: агенты III Отделения к ним, несомненно, прислушались. По отношению, в частности, к Пушкину, в это время жившему еще в ссылке, решено было поступить по второму пункту рецепта-панацеи Булгарина: поэта, одержимого несомненным „лицейским духом", положено было, как

---

[1]) Здесь Булгарин имеет в виду сановников-арзамасцев: Уварова, Блудова, Дашкова, Тургеневых, Северина, Вигеля, Жихарева и др.

дававшего еще надежду на „исправление“, приласкать,—для чего вызвать к царю, а затем—„следить“ за ним, „поддерживая“, „убеждая“ и „привязывая к настоящему образу правления“, — в надежде сделать из него нового Арзамасца-сановника.

Записка Булгарина об Арзамасе была составлена в следующих выражениях, развивавших положения, высказанные вскользь в записке о „Лицейском духе“.

б

„Арзамасское общество не было вовсе Политическое, не имело никакого образования, ни устройства, не было тайным, а потому бывшие его члены ни в каком случае не могли упоминать о нем, при подписке, данной Правительству о знании или участии в тайных обществах.

О сем Арзамасском обществе упомянуто было в Записке о Лицее для того только, что некоторые его члены имели влияние на дух Лицейских воспитанников. Арзамасское общество возникло от раздраженного самолюбия. Когда, по проискам Актрис и Князя Тюфякина, запрещено было писать о Театре, а между тем некоторые Драматические Писатели, а именно: Князь Шаховской, Загоскин и другие, начали выводить на сцену неприязненных им людей (даже кроткого Жуковского Князь Шаховской выставил в комедии „Липецкие воды“ [1]), то Уваров, Тургенев и другие составили союз или общество, названное (по вотчине одного из них в Арзамасе) Арзамасским. Туда собирались читать Критики, а после—Сатиры и Эпиграммы на театральные пьесы и Авторов. Вскоре Арзамасское общество вооружилось противу всех противников Карамзина и его школы и противу всех Писателей, не желавших явно содействовать обществу. Оно критиковало также все так-называемые старообрядческие, Славофильские сочинения, т.-е. Шишкова, Шихматова и их приверженцев. И так не общество имело влияние на дух Лицея, но некоторые люди, принявшие в свой круг Пушкина, Кюхельбекера и других Лицейских Студентов. Главная характеристическая черта членов Арзамасского общества, по которой и теперь можно отличить их между миллионами людей, есть: чрезвычайно надменный тон, резкость в суждениях, самонадеянность. Все это называется теперь: Mépris souverain pour le genre humain. Этими словами означали членов Арзамасского общества, исключая некоторых скромных, двух или трех—не более. Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего общества. Все, что не ими выдумано, — дрянь; каждый человек, который не пристает безусловно к их мнению,—скотина; каждая мера Правительства, в которой они не принимают участия, — мерзкая; каждый человек, осмеливающийся спорить с ними,—дурак и смешон. Вот какими выражениями они из'яснялись без обиняков. С равными они относились несносно надменно, с низшими — как с черными невольниками, высших всех ругали без памяти за глаза и представляли в эпиграмматическом виде. Между тем, когда надлежало искать, то и надменные Катоны изгибались. Уваров сам примеривал кокошники и сарафаны мамкам Канкрина, а Николай Тургенев на-

[1]) Карамзин выставлен был очень умно и забавно в комедии „Новый Стерн“.

шел, что у Аракчеева прекрасное Русское лицо, когда он доставил ему 1000 черв. на дорогу! Этот несносный тон, это фрондерство всего святого, доброго и злого в смеси, без различия, по одним страстям, заразило юношество, как было о сем упомянуто в Записке о Лицее. Из двадцати юношей в обществе тотчас можно узнать Лицейских воспитанников первого времени. Голова вверх, гордый взгляд, надменный тон, резкость в речах, ответы вроде приговоров, вопросы ввиде повелений. Все они почитают себя рожденными не в свое время, выше своего века, гениями! Все они вылиты в форму главных членов Арзамасского общества Уварова и Тургенева (Николая). Такая самонадеянность и гордость в молодых летах порождает неуместное честолюбие, желание новости и увлекает юношей на все пути, где они видят для себя возвышение и где полагают дать обширный круг деятельности своему уму. Если б только Правительство хотело, — все можно употребить в свою пользу, и для сего надобно только одной деятельности. Но о сем будет впоследствии изложено подробно. Итак, вот в каком отношении Арзамасское общество было вредно! То-есть некоторые члены общества. Общество не имело ни малейшей Политической цели; но как Правительство не заботилось о том, чтобы каждому обществу дать свое направление, свою цель, то некоторые члены отдельно приготовляли порох, который в последствии вспыхнул от буйного пламени Тайного общества. Арзамасское общество умерло своею смертью; когда кончилась причина, кончилось и действие. Великое и мудрое правило для искоренения всего злого. Покойный Государь приехал к Графине Софье Владимировне Строгоновой, и она сказала ему, что во время его отсутствия (в 1815 г.) запрещено писать о Театре. Государь не хотел верить, после смеялся долго над этою мерою и велел тотчас снять запрещение. Le combat finit faute des combattants: загорелась война в Журналах, — и Общество Арзамасское рушилось само собою. Когда запрещают печатать, то пишут тайно. Много, много было беды от закулисных интриг, будет еще, если Правительство не возьмет эту часть в надзор и в употребление Высшей Полиции. Dixi!“

Эта записка, в которой, как и в первой, был нарочито назван Пушкин, тоже, конечно, не прошла для него бесследно и способствовала определению того курса, который был принят по отношению к поэту-арзамасцу, да еще насквозь пропитанному „лицейским духом“. Дальнейшие выписки из секретных dossiers Архива III Отделения покажут нам, как внимательно следили за Пушкиным в это время.

В ночь с 3-го на 4-е сентября 1826 г. Пушкин был увезен из Михайловского, в сопровождении фельд'егеря, в Москву, где его пожелал видеть император Николай, только что принявший коронование. 8-го сентября он был в первопрестольной столице, где и был представлен Государю. Отмечая в своих „bulletins“ все выдававшиеся из ряду происшествия, фон-Фок не обошел молчанием и этого события,—и в сентябрьских сообщениях его мы уже встречаем писанную его прелестным бисерным почерком записку, имеющую № 594 и дату „Le 17 Septbr“, следующего содержания:

„Pouschkin, l'auteur, a été mandé à Moscou. En partant de Pleskow, il a écrit à son ami intime et camerade de Collége Delwig, pour lui annoncer cette nouvelle et lui demander un envoi d'argent qu'il voulait employer pour des parties fines et pour sabler du champagne [1]).—Cet individu est connu généralement pour être un philosophiste, dans toute la force du terme, donc, pour professer un égoisme systématique, avec un mépris des hommes un dédain des sentiments comme des vertus, enfin une volonté active de se procurer les jouissances de la vie aux dépens de tout ce qu'il y a de plus sacré. C'est un ambitieux, consumé par la faim du désir, qui, obzerve-t-on, a une si mauvaise tête qu'on sera obligé de le morigéner à la première occasion. On dit que le Souverain lui a fait un accueil gracieux et qu'il ne justifiera pas les bontés que Sa Majesté a eu pour lui [2]).

Агент Локателли доносил Фон-Фоку в записке без числа [3]), но около того же времени:

„On assure, que l'Empereur a daigné pardonner au célèbre Пушкин les torts dont ce jeune homme s'est rendu fautif sous le règne de son Bienfaiteur, feu l'Empereur Alexandre.—On dit que Sa Majesté l'a fait venir à Moscou et lui a accordé une audience particulière de plus de 2 heures, qui avait pour but de lui donner des conseils et démonstrations paternels. — On se réjouit sincèrement de la généreuse condescendance de l'Empereur qui aura sans doute les plus heureux résultats pour la littérature Russe. On sait que le coeur de Пушкин est bon, — il n'a besoin que d'être guidé; alors la Russie devra se glorifier et s'attèndre à de plus belles productions de son génie“ [4]).

---

[1]) Это письмо Пушкина до нас не дошло.

[2]) Перевод: „Пушкин, сочинитель, был вытребован в Москву. Выезжая из Пскова, он написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельвигу письмо, извещая его об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем, чтобы употребить их на кутежи и на шампанское. Этот господин известен всем за мудрствователя, в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец, — деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себе житейские наслаждения ценою всего самого священного. Это честолюбец, пожираемый жаждою вожделений и, как примечают, имеет столь скверную голову, что его необходимо будет проучить при первом удобном случае. Говорят, что государь сделал ему благосклонный прием и что он не оправдает тех милостей, которые его величество оказал ему“.

[3]) Она находится среди агентских донесений 1828 г. (№ 1134), но относится, несомненно, к сентябрю 1826 г.

[4]) Перевод: „Уверяют, что Император соизволил простить знаменитому Пушкину его вины, в которых этот молодой человек оказался в царствование его Благодетеля, покойного Императора Александра. Говорят, что Его Величество велел ему прибыть в Москву и дал ему отдельную аудиенцию, длившуюся более 2 часов и имевшую целью дать ему советы и отеческие указания. — Все искренно радуются великодушной снисходительности Императора, которая, без сомнения, будет иметь самые счастливые последствия для русской литературы. Известно, что сердце у Пушкина доброе,—и для него необходимо лишь руководительство. Итак, Россия должна будет прославиться и ожидать для себя самых прекрасных произведений его гения“.

Другим, кроме сыска, орудием в руках Фон-Фока была издавна излюбленная тайной полицией перлюстрация частной корреспонденции; в собрании выписок из писем 1826 г. (секр. арх. № 842) имеются две, за №№ 17 и 18, помещенные в обложку с надписью, сделанной Фон-Фоком: „Включаемые у сего выписки ничего замечательного не представляют. Сергей Львович Пушкин жалуется на сына своего Александра, известного стихотворца". Вот эти выписки:

№ 17. Выписка из письма Сергея Пушкина из С.-Петербурга от 17-го Октября 1826 года к Василию Львовичу Пушкину в Москву [1]).

„Non, mon bon ami, ne croyez pas qu'Александр Сергеевич sente jamais ses torts envers moi. S'il a pu au moment de son bonheur et lorsqu'il ne pouvait pas ignorer que j'ai fait des demarches pour obtenir sa grâce, me renier et me calomnier,—comment supposer qu'il revienne un jour? N'oubliez pas que depuis deux ans il nourrit cette haine, que ni mon silence, ni mes procédés pour adoucir son exil n'ont pu diminuer. Il est très persuadé que c'est moi qui dois lui demander pardon, mais, il ajoute que si je m'avisois de le faire, il sauterait plutôt par la fenêtre que de me l'accorder. Quant à moi, mon bon ami, j'ai n'ai pas besoin de lui pardonner, puisque je ne demande à Dieu que la grâce de m'affermir dans ma résolution de ne pas me venger.—Je n'ai pas encore pour un seul instant discontinué de faire des voeux pour son bonheur et comme l'ordonne l'Evangile d'aujourd'hui, j'aime en lui mon ennemi et je lui pardonne si ce n'est en père, puisqu'il me renie,—c'est en chrétien: mais je ne veux pas qu'il le sache: il l'attribuerait à ma foiblesse ou à l'hypocrisie, et ces principes d'oubli des injures que nous devons à la religion lui sont tout à fait étrangères" [2]).

---

[1]) На ней помета карандашом Дибича: „для об'яснений с Г.-А. Бенкендорфом".

[2]) Перевод: „Нет, добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мной. Если он мог в минуту своего благополучия и когда он не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отрекаться от меня и клеветать на меня, то как возможно предполагать, что он когда-нибудь снова вернется ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для смягчения его изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но он прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы через окно, чем дал бы мне это прощение. Что касается меня, мой добрый друг, то мне нет необходимости прощать его, ибо я прошу у Бога только той милости, чтобы он укрепил меня в моем решении не мстить за себя. Я еще ни на минуту не переставал воссылать мольбы о его счастии и, как повелевает теперешнее Евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю ему, если не как отец,—так как он от меня отрекается, — то как христианин, но я не хочу, чтобы он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды".

Другая выписка — из письма того же С. Л. Пушкина и от того же числа — к его зятю — мужу сестры его Елизаветы Львовны:

№ 18. Выписка из письма с подписью Serge (Пушкин) из С.-Петербурга от 17-го Октября 1826 года к Матвею Михайловичу Сонцову в Москву.

„Ma position est terrible et les chagrins auxquels je m'attends sont incalculables, mais ma résignation et ma confiance en Dieu me restent. Je le prie tous les jours, afin qu'il m'affermisse dans la résolution que j'ai prise — de ne pas me venger et de supporter tout. Je veux bien espérer qu'Alexandre Сергеевич sera fatigué de poursuivre un homme qui se tait et qui ne demande qu'à être oublié. Ce qu'il y a de plus singulier dans sa conduite, c'est que tout en m'insultant et en brisant nos coeurs, il compte retourner à notre campagne et naturellement jouir de tout ce dont il a joui, quand il n'avait pas la liberté d'en sortir. Comment concilier ceci avec la manière, dont il parle de moi, car il ne peut pas ignorer que je le sais.

Тургенёв Alexandre et Жуковский, pour me consoler, me disoient que je devois me mettre au dessus de ce qu'il disoit de moi: que c'étoit par imitation de Lord Byron, auquel il veut rassembler. Byron detestoit sa femme et en parloit mal partout. Алекс. Серг. m'a choisi pour sa victime; mais ces raisonnements ne sont pas consolants pour un père, si je puis encore me nommer ainsi. Au reste je le repète encore une fois: qu'il soit heureux, mais qu'il me laisse tranquille“ [1]).

Следующая выписка из письма лица, к сожалению, оставшегося неопределенным перлюстраторами, из Москвы, где тогда был Пушкин.

---

[1]) Перевод: „Мое положение ужасно и горести, которых я для себя ожидаю, неисчислимы, но моя покорность Провидению и мое упование на Бога остаются при мне. Я прошу Его всякий день о том, чтобы он подкрепил меня в принятом мною решении — не мстить за себя и переносить все. Мне очень хотелось бы надеяться, что Александр Сергеевич устанет, наконец, преследовать человека, который ничего не говорит и просит только о том, чтобы его забыли. Более всего в его поведении вызывает удивления то, что, как он меня ни оскорбляет и ни разрывает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу деревню и, естественно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности оттуда выезжать. Как примирить это с его манерой говорить о мне, — ибо не может ведь он не знать, что это мне известно.

Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания Лорду Байрону, на которого он хочет походить. Байрон ненавидел свою жену и всюду скверно о ней говорил, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но эти все рассуждения не утешительны для отца, — если я еще могу называть себя так. В конце концов повторяю еще раз: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое“.

№ 32. Выписка из письма без подписи из Москвы от 6-го Ноября 1826 г. к Графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому в С.-Петербург [1]).

Вероятно встречусь с Пушкиным, с которым и желал бы познакомиться; но с другой стороны слышал так много дурного на счет его нравственности, что больно встретить подобные свойства в таком великом Гении. Он, говорят, несет большую дичь и—публично. Жена Николая В. мне вчера сказала, что Вяземский и Пушкин ждут меня с нетерпеньем, а по какой причине,—не знаю.

В пачке донесений и писем полковника Жандармского полка Ивана Петровича Бибикова к Бенкендорфу (Секр. арх., № 912) находятся две записки, относящиеся тоже ко времени пребывания Пушкина в Москве:

1) „Je surveille l'auteur P.... autant que possible. Les maisons qu'il fréquente le plus souvent sont celles de la P. Zénéide V[olkonsky], du Prince Viasemsky, le poète, de l'ex-ministre Dmitreff et du procureur Gihareff. Les conversations y roulent, la plupart du tems, sur la littérature. Il vient de composer la tragédie de Boris Godounoff, qu'on a promis de me lire et où, a ce que l'on prétend, il n'y a rien de libéral. Il est vrai que les femmes encensent et gâtent le jeune homme; par exemple, sur le désir qu'il manifestat, dans une société, de prendre du service, plusieurs femmes s'écrièrent à la fois: „Pourquoi servir! Enrichissez notre littérature de vos sublimes productions, et d'ailleurs ne servez-vous pas déjà les neuf soeurs? Exista-t-il jamais un plus beau service?" Une autre dit: „Vous servez déjà dans le génie et ainsi de suite".— Je ne vous en ai pas parlé jusqu'à présent, car les propos sans conséquence ne feraient qu'absorber un tems précieux".

2) „Ce 8 Novembre 1826. L'auteur P...., dont j'ai eu l'honneur de Vous parler dans ma dernière lettre, vient de quitter Moscou pour aller dans ses terres de Pskow. — Sa tragédie de Boris Godounoff, qu'un de mes amis a lu, est, dit-on, un chef-d'oeuvre de Poësie. Elle est purement historique, composée dans le genre de celles de Schiller et écrite en vers blancs" [2]).

---

[1]) Помета И. И. Дибича: „для об'яснений с Г.-А. Бенкендорфом".

[2]) Перевод: 1) „Я слежу за сочинителем П[ушкиным], насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды В[олконской], князя Вяземского, поэта, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются, по большей части, на литературе. Он только-что написал трагедию „Борис Годунов", которую мне обещали прочесть и в которой, как уверяют, нет ничего либерального. Правда, дамы кадят ему и балуют молодого человека; например, по поводу выраженного им, в одном обществе, желания вступить в службу, несколько дам вскричали сразу: „Зачем служить! Обогащайте вашу литературу Вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, Вы уже не служите девяти сестрам [т.-е. Музам, *Б. М.*]? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба?" Другая сказала: „Вы уже служите в инженерах, а также в свите" [непереводимая игра слов. *Б. М.*]. Я не говорил

В том-же ноябре 1826 г. имя Пушкина снова попало под руку Фонфока по косвенному поводу, — в связи с заинтересовавшею Бенкендорфа личностью А. Д. Илличевского, поэта и лицейского товарища Пушкина. В записке под № 723, писанной Фоком, читаем такое сообщение:

„Le jeune fendant qui a dîné chez l'aide-de-camp Abaza, et y a prêché l'égalité, s'appelle Illiczewski. Il est élève du Lycée, d'où il est sorti en même tems avec Pouschkin, Pouschtschin et Küchelbecker. Infecté du même mauvais esprit, il a séjourné quelque tems à Paris, où il a fréquenté souvent la maison de madame Narischkin“ [1]). Бенкендорф на записке этой сделал следующую заметку карандашом: „Le jeune Очкин qui avait été légèrement compromis dans la grande histoire [2]) a rapporté cette conversation“ [3]).

Через месяц, в декабрьские „Bulletins“ 1826 г., под № 786, была включена записка упомянутого уже полковника И. И. Бибикова, с надписью „Secrète“, и следующего содержания:

„Votre Excellence trouvera ci-joint le journal de Михайла Погодин de 1826; où il n'y a aucune tendence libéral: il est purement littéraire. Néanmoins je fais strictement surveiller le rédacteur et je suis parvenu à connaître tous ses collaborateurs que je ferai suivre de même,—ce sont:

1) Пушкин.
2) Востоков.
3) Калайдович.
4) Раич.
5) Строев.
6) Шевырев.

Les pièces que Pouschkin lui a fait tenir pour être insérées dans son journal, sont des tirades de sa tragédi de Boris Godounoff, mais qu'il ne peut communiquer à personne, parceque d'après les lois de la rédaction il ne peut pas les faire connaître avant l'impression. Je

---

Вам об этом до настоящего времени, ибо поводы без последствий лишь поглощали бы драгоценное время“.

2) „8 Ноября 1826 г. Сочинитель П[ушкин], о котором я уже имел честь говорить Вам в моем последнем письме, только что покинул Москву, чтобы отправиться в свое Псковское имение. Его трагедия „Борис Годунов“, которую один из моих друзей читал,— как говорят, — поэтическое совершенство. Она — чисто историческая, составлена в стиле трагедий Шиллера и писана белыми стихами“.

[1]) Перевод: „Молодой хвастунишка, который обедал у флигель-ад'ютанта Абазы и проповедывал там равенство, называется Иллический. Он воспитывался в Лицее, оттуда вышел одновременно с Пушкиным, Пущиным и Кюхельбекером. Зараженный тем же бурным духом, как и они, некоторое время он прожил в Париже, где часто посещал дом г-жи Нарышкиной“.

[2]) Т.-е. в деле декабристов. Амплий Николаевич Очкин — писатель, впоследствии редактор академических „С.-Петерб. Ведом.“.

[3]) Перевод: „Об этом разговоре донес молодой Очкин, который был слегка замешан в большом деле“.

sais de bonne part cependant que cette tragédie ne renferme rien de contraire au gouvernement.

Le 7 Décemb. 1826" [1]).

Затем в течение двух месяцев агенты III Отделения молчат о Пушкине и лишь 5-го марта 1827 г. сам начальник 2 Округа корпуса жандармов, генерал-майор Александр Александрович Волков доносит Бенкендорфу (в своем втором по вступлении в должность письме), между прочим:

„О Поэте Пушкине, сколько краткость времени позволила мне сделать разведании,—он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой и променял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде" [2]).

После этого лаконического и претендующего на остроумие сообщения— опять большой перерыв в сообщениях о Пушкине; только в агентурных сведениях за июль 1827 г. находим записку, писанную рукою Фока:

„Des vers qu'on attribue à Pouschkin, circulent en ville et on les lit par coeur. Les voici tels qu'on me les a répétés [3]):

Россия, в оба ты гляди!
Министрам товарищи даны.
Но от Дашки, от Блуда
И от Рюрикова уда
Чего ты можешь ожидать!

К слову „Рюрикова", подчеркнутому карандашом, Бенкендорф сделал пояснение: „Долгоруков", имея в виду бывшего в 1827—1830 гг. товарищем министра юстиции и управляющим этим Министерством, кн. А. А. Долгорукова; под Дашкой и Блудом разумеются арзамасцы Д. В. Дашков и Д. Н. Блудов, назначенные тогда тоже Товарищами министров. Эти скверные стихи, конечно, Пушкину не принадлежали и лишь приписывались ему, оправдывая его собственные слова о том, что „все возмутительные рукописи ходили под его именем, как все похабные—под именем Баркова".

---

[1]) Перевод: „Ваше Превосходительство найдете при сем журнал Михайла Погодина за 1826 год, в коем нет никаких либеральных тенденций: он чисто-литературный. Тем не менее я самым бдительным образом слежу за редактором и достиг того, что вызнал всех его сотрудников, за коими я также велю следить; вот они:

1) Пушкин.
2) Востоков.
3) Калайдович.
4) Раич.
5) Строев.
6) Шевырев.

Стихотворения Пушкина, которые он ему передавал для напечатания в его журнале,— это отрывки из его трагедии „Борис Годунов", которые он не может сообщить никому другому, потому что, по условиям Редакции, он не может предавать их гласности ранее напечатания. Из хорошего источника я знаю, однако, что эта трагедия не заключает в себе ничего противоправительственного. 7 Декабря 1826".

[2]) Секр. Арх., № 980, письмо за № 3.

[3]) Перевод: „По городу ходят стихи, которые приписывают Пушкину и которые все твердят наизусть. Вот они в том виде, в каком их мне повторяли:

Россия, в оба ты гляди! и т. д.

В тех же агентурных сведениях, относящихся тоже к июлю 1827 г., встречаем записку, писанную рукою Фока в самый день первой годовщины казни декабристов:

„13 Juillet 1827.

La Surveillance n'a pas perdu de vue la conduite et les liaisons du Comte Alexandre Zawadoffski, dont elle a quelque raison de se méfier [1]).

Sous le rapport politique on n'a rien observé jusqu'ici, si ce n'est que quelques jeunes badauds y viennent raisonner et fronder, mais sans suite.

La principale occupation de Zawadoffski, pour le moment, est le jeu. Il a loué une maison de campagne au côté de Vibourg, chez Pflug, où se réunissent presque chaque soir les individus suivans et plusieurs autres, moins marquans.

Le Colonel Drouville, officier de mérite, à ce qu'on prétend, mais hableur et fanfaron insupportable.

Le Colonel Гудим-Левкович.

Le Général Lewanski.

Un officier démissionnaire Якунчиков et un certain Верянов. Joueurs de profession qu'on surveille.

Le P-ce Basile Meschtcherski dont la nomination comme président de la Censure de Moscou a produit, généralement, le plus mauvais effet [2]).

M. Stolipin, Conseiller d'état, qui est dans les fermes d'eau de vie.

Le jeune Poniatowski de Kieff, fils du fameux fermier, et son camarade le S-r Piniadzek.

Le Général Anselme de Gibori ne quitte plus Zawadoffski; il s'est installé tout à fait chez lui.

M. Pouschkin, l'auteur, y a été quelques fois. Il paraît bien changé et ne s'occupe que des finances, en tâchant de vendre ses productions littéraires à des conditions avantageuses. Il demeure à l'hôtel Demouth, où le viennent voir ordinairement: le Colonel Bezobrazoff, le poëte Baratinski, le littérateur Fédoroff et les joueurs Schichmakoff et Ostolopoff.

Dans ses épanchemens d'amitié, il avoue tout franchement qu'il n'aurait jamais fait tant de folies et de sottises, s'il n'avait pas été mené par Alexandre Rayeffski, qui, d'après toutes les

---

[1]) В декабре по его делам о приискании ему богатой невесты был даже послан в Москву агент—Осип Венцеславович Кобервейн, вошедший в доверие к Завадовскому.

[2]) Карандашная приписка Бенкендорфа: „homme tout a fait dépravé" [*т. е.*: „человек совершенно развращенный"].

notices recueillies de différens côtés, doit être un homme fort dangereux" [1]).

В сентябрьских „Известиях" 1827 г. находим любопытную записку фон-Фока с неоднократным упоминанием имени Пушкина:

О начале Собраний Литературных.

После нещастного происшествия 14 Декабря, в котором замешаны были некоторые люди, занимавшиеся Словесностью, Петербургские Литераторы не только перестали собираться в дружеские круги, как то было прежде, но и не стали ходить в привилегированные Литературные общества, уничтожившиеся без всякого повеления Правительства. Нелепое мнение, что Государь Император не любит Просвещения, было общим между Литераторами, которые при сем жаловались на Цензурный Устав и на исключение Литературных обществ из Адрес-Календаря, по повелению Министра Просвещения Литераторы даже избегали быть вместе, и только встречаясь мимоходом, из'являли сожаление об упадке Словесности. Наконец, поступки Государя Императора начали разуверять устрашенных Литераторов в ошибочном мнении. Чины, пенсионы и подарки, жалуемые от щедрот Монарших, составление Комитета для сочинения нового Цензурного Устава и, на-

---

[1]) То-же: „J'en ai écrit au g-l Geltouhin" [Перевод: „Я написал о нем Генералу Жултухину"].

Перевод: „Тайная полиция не упускала из виду поведение и связи графа Александра Завадовского, которого она имеет некоторое основание остерегаться. В политическом отношении пока не замечено ничего, если не считать того, что несколько молодых ротозеев приходят к нему рассуждать и фрондировать, но — без каких-либо последствий.

Главное занятие Завадовского, в настоящее время,—игра. Он нанял сельский домик на Выборгской стороне, у Шфлуга, где, почти каждый вечер, собираются следующие господа и многие другие, менее значительные:

Полковник Друвиль, офицер достойный, как утверждают, но хвастун и фанфарон нестерпимый.

Полковник Гудим-Левкович.

Генерал Левантский.

Некий отставной офицер Якунчиков и известный Верещанов,—профессиональные игроки, за коими следят.

Князь Василий Мещерский, назначение которого Председателем Московской Цензуры произвело повсюду самое скверное впечатление.

Г. Столыпин, Статский Советник, занимающийся винными откупами.

Молодой Понятовский, из Киева, сын знаменитого откупщика, и его приятель, г. Пенёдзек.

Генерал Анселъм-де-Жибори не покидает более Завадовского: он совсем водворился к нему.

Пушкин, сочинитель, был там несколько раз. Он кажется очень изменившимся и занимается только финансами, стараясь продавать свои литературные произведения на выгодных условиях. Он живет в гостинице Демута, где его обыкновенно посещают: Полковник Безобразов, поэт Баратынский, литератор Федоров и игроки Шихмаков и Остолопов. Во время дружеских излияний он совершенно откровенно признается, что он никогда не натворил бы столько безумия и глупостей, если бы не находился под влиянием Александра Раевского, который, по всем данным, собранным с разных сторон, должен быть человеком весьма опасным".

конец, особенное попечение Государя об отличном поэте Пушкине, совершенно уверили Литераторов, что Государь любит Просвещение, но только не любит, чтобы его употребляли, как вредное орудие для развращения неопытных софизмами и остроумными блестками, скрывающими яд под позолотою.

В прошлое воскресенье, 28 августа, давал Литературный обед Павел Петрович Свиньин, издатель „Отечественных Записок". На сем обеде, давно небывшие вместе Литераторы сошлись, как давнишние знакомые, но с некоторою недоверчивостью и боязнию. Вино усладило конец беседы, стали воспоминать о прошедшем и положили, чтоб все Литераторы с состоянием дали по два вечера в зиму для своих собратий и художников. Но сей обед и последовавший за ним вечер был притом несколько холоден по той причине, что на нем люди были из разных литературных партий, и откровенность не могла между ними воцариться.

Но дух здешних Литераторов лучше всего обнаружился на вечеринке, данной Сомовым 31 августа по случаю новоселья. Здесь было немного людей, но все, что так сказать напутствует мнение Литераторов, — Журналисты, Издатели альманахов и несколько лучших поэтов. Между прочими был и Цензор Сербинович. Совершенная откровенность председательствовала в сей беседе, говорили о прежней литературной жизни, вспоминали погибших от бесрассудства литераторов, рассказывали литературные анекдоты, говорили о цензуре и т. п. Издатель „Московского Телеграфа" Полевой один отличался резкими чертами от здешних литераторов, сохраняя в себе весь прежний дух строптивости, которым блистал Рылеев и его сообщники в обществах. Ему сделали вопрос: каким образом он успевает помещать слишком смелые и либеральные статьи? Полевой, не зная цензора Сербиновича, начал рассказывать при нем, как он потчует своих цензоров и под шумок выманивает у них подпись.

Это оскорбило целое собрание, а ему отвечали, что у нас это почитается обманом, которого ничто не извиняет. Полевой хвастал, как великим подвигом и заслугою, что Московский Военный Губернатор Князь Голицын несколько раз уже жаловался на него Попечителю Писареву за либеральность, но что он не боится ничего под покровом Князя Вяземского, который берет всю ответственность на себя, будучи силен в Петербурге. На сие его неуместное хвастовство также отвечали презрительным молчанием. За ужином, при рюмке вина, вспыхнула веселость, пели куплеты и читали стихи Пушкина, пропущенные Государем к напечатанию. Барон Дельвиг подобрал музыку к Стансам Пушкина, в коих Государь сравнивается с Петром [1]). Начали говорить о ненависти Государя к злоупотреблениям и взяточникам, об откровенности его характера, о желании дать России законы, и, наконец, литераторы до того воспламенились, что как бы порывом вскочили со стульев с рюмками шампанского и выпили за здоровие Государя. Один из них весьма деликатно предложил здоровие Цензора Пушкина, чтоб провозглашение имени Государя не показа-

[1]) Известные стансы „В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни".

лось лестью, и все выпили до дна, обмакивая Стансы Пушкина в вино.

„Еслиб дурак Рылеев жил и не вздумал взбеситься, сказал один, то клянусь, что он полюбил бы Государя и написал бы Ему стихи“.— „Молодец,—дай Бог Ему здоровие — Лихой“, вот что повторяли со всех сторон.

Весьма замечательно, что выше при частных увеселениях вспоминают об Государе произвольно, как бы по вдохновению, как то было и на Серенаде 21 августа на Черной Речке, где при пении: Боже, Царя храни, все, что было лучшего, — офицеры и словесники, — воскликнули Ура! и рукоплескали не из лести, ибо сие происходило в темноте.

Если Литераторы станут собираться, то на сие будет обращено особенное внимание: начало предвещает хороший дух и совершенно противный Московскому“.

Рукою начальника главного штаба барона И. И. Дибича на этом докладе, писанном фон-Фоком, сделана следующая помета с обращением к Бенкендорфу: „9 Sept. Je Vous prie, cher général, de me parler de ce papier quand nous nous verrons“.

Эта записка, как и некоторые другие, возможно, были составлены по сведениям, дошедшим до Фока от его добровольного сотрудника — Булгарина. Отношения к последнему Пушкина в это время были еще вполне спокойные, даже приязненные.

К той же эпохе относится и находящаяся в Перлюстрации 1827 года (секр. арх., № 843)

Выписка из письма г. Соболевского [1]) из д. Устинова от 20 Сентября 1827 года к Николаю Матвеевичу Рожалину в Москву.

„Старайтесь, молодые люди, о Вестнике [2]). И я стараюсь, то-есть еду завтра в Псков к Пушкину условливаться с ним письменно и в этом деле буду поступать пьяно (т.-е. piano). Вот пожива Киреевскому.

Мне смерть горько приходит в Петербурге, и как только дела позволят, то я вырвусь отселе окончательно, т.-е. по возвращении моем из Пскова, где я и пробуду дня 4. Впрочем, мне жизнь смертельно опротивела, и с тех пор, как я всех моих здешних отыскал и обнял, то опять вспомнил, что мне скучно жить в свете. В этом я нашел себе товарища, Мальцова, и мы в запуски проклинаем жизнь и уговариваемся взаимно расстрелиться, что и будет в скором времени произведено в действие.

Киреевский. Тебя, мой верный Санхо-Панса, благодарю за готовность. Так, решено (т.-е. почти что), — посоветуюсь с молодецкою твоею душою и двинемся в поход. Вот тебе мое честное слово, что все ахнут, услыша повесть о нас, а повесть будет совершенно в роде Байрона“.

---

[1]) Приятеля Пушкина, известного острослова Сергея Александровича Соболевского. Его поездка к Пушкину, кажется, не осуществилась (См. издание „Парфенона“ — „Соболевский—друг Пушкина“, со статьей В. И. Саитова, П. 1922 г. Изд.).

[2]) Т.-е. о журнале Погодина-Шевырева „Московский Вестник“.

Далее, в мелких агентурных Петербургских сведениях за октябрь 1827 г., находим большую записку, писанную рукою Фока и озаглавленную „Разные слухи и толки“; здесь в пункте 7-м читаем следующее:

„Поэт Пушкин здесь. Он редко бывает дома. Известный Соболевский возит его по трактирам, кормит и поит на свой счет. Соболевского прозвали брюхом Пушкина. Впрочем сей последний ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом“, а далее: „Князь Вяземский беснует в Москве, что Полевому запретили издавать Газету. Он поговаривает ехать в Париж, но долги не пускают“.

На записке есть помета Бенкендорфа, из которой видно, что она представлялась на прочтение Императору Николаю...

К тому же месяцу относится еще другая записка Фока, составленная, быть может, опять не без участия Булгарина:

„Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя и даже говорит, что Ему обязан жизнию, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был Литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над Правительством, ныне хвалили Государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: „Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без Него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, — свободу: виват!“.

На записке этой сделана помета рукою Бенкендорфа, карандашом: „Приказать ему явиться ко мне, завтра в 3 часа“.

В сведениях за ноябрь 1827 г. на особом листке находится написанное рукою Фон-Фока стихотворение „Русскому Геснеру“ (нач.: „Куда ты холоден и сух!“) с ошибкою в 3-м стихе и с подписью А. Пушкин. Под заглавием его рукою Бенкендорфа, карандашом, написано: „На Федрова“, т.-е. на Бориса Михайловича Федорова, — что неправильно, так как известно, что стихотворение это было направлено против „идиллика“ В. И. Панаева. Заметим, что эти стихи появились в печати лишь в 1828 году, в „Опыте Русской анфологии“ М. Л. Яковлева,—следовательно, до Фока дошли агентурным путем.

К декабрю 1827 г. относится записка Фока о праздновании именин у Греча (6-го декабря) с сообщением о том, как вел себя здесь же бывший Пушкин. Вот эта любопытная записка, составленная, вернее всего, по информации Булгарина:

„В день Св. Николая Журналист Николай Греч давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания Грамматики. Гостей было 62 человека: все Литераторы, Поэты, ученые и отличные любители Словесности. Никогда не видывано прежде подобных явлений, чтоб столько умных людей, собравшись вместе и согрев головы вином, не говорили, по крайней мере, двухсмысленно о Правительстве и не критиковали мер оного. Теперь напротив только и слышны были анекдоты о правосудии Государя, похвала новых Указов и изъявление пламенного желания, чтобы Государь

выбрал себе достойных помощников в трудах. На счет Министров не жеманировались, как и прежде, каждый рассказывал какие-нибудь смешные анекдоты и злоупотребления, всегда прибавляя, при этом Государе все это кончится. На Него вся надежда; Он все знает; Он все видит, всем занимается; при Нем не посмеют угнести невинного; Он без суда не погубит; при Нем не оклевещут понапрасну. Он только не любит взяточников и злодеев—а смирного и доброго при Нем не посмеют тронуть.

Под конец стола один из собеседников, взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его Грамматики:

1.

Уж двадцать лет прошло, как Греч,
Писать Грамматику затеял;
Конец труду и тяжесть с плеч,
Пусть жнет теперь, что прежде сеял.
Лились чернила, лился пот,
Теперь вино польется в рот.

2.

Явись, бокал—ты наш союз:
Склонение—к любви и славе;
Глагол сердец—причастье Муз,
Знак удивительный в забаве!
Друзья, кто хочет в счастьи жить:
Спрягай почаще: пить, любить!

3.

В отчаяньи уж Греч наш был,
Грамматику чуть, чуть не с'ели:
Но Царь Эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
И так, молитву сотворя,
Во первых здравие Царя!

4.

Теперь, ура, друг, Николай! (то есть Греч)
Ты наш жандарм языкознанья.
Трудись, живи да поживай,
Без всяких знаков препинанья.
Друзья, воскликнем наконец:
Ура, Грамматики творец!

Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты [1]). Но приятнее всего было то, что куплеты Государю повторены были громогласно всеми гостями с восторгом и несколько раз.—Куплеты начали тотчас после стола списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал прохаживаясь:

И так, молитву сотворя,
Во первых здравие Царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной. Нечаев послал их в Москву.

Все удивляются нынешнему положению вещей: прежде не было помину о Государе в беседах,—если говорили, то двухсмысленно. Ныне поют куплеты и повторяют их с восторгом!

L'opinion publique a besoin qu'on la dirige [2]). Но направлять общее мнение тогда только можно, когда есть элементы к возбуждению хороших впечатлений и когда честные и умные люди, видя и чувствуя благие виды Правительства, охотно содействуют к направлению мнений в хорошую сторону. Теперь все это есть—и элементы, и добрые люди, а через несколько лет можно надеяться, что образ мыслей вообще и в целом примет самый лучший оборот".

Мы уже упоминали во вступительной своей заметке, что у Фока были агенты самого различного положения, — сообразно тому, в каких кругах эти агенты должны были вращаться. Образчик высокой агентуры,—напр., Висковатова или Локателли, мы уже видели, а вот образец донесений агента, судя по его произведениям (очень многочисленным), тершагося в лакейских и прихожих. Этот образчик находится в числе агентурных сведений за февраль месяц 1828 г. (секр. арх., № 1078, листок за № 33):

„Пушкин! известный уже сочинитель! который, не взирая на благосклонность Государя! Много уже выпустил своих сочинений! как стихами, так и прозой!! колких для правительствующих даже, и к Государю! Имеет знакомство с Жулковским!! у которого бывает почти ежедневно!!! К примеру вышесказанного, есть оного сочинение под названием Таня! которая будто уже и напечатана в Северной Пчеле! Средство же имеет к выпуску чрез благосклонность Жулковского!!"

Жулковский здесь, конечно, — Жуковский, а под сочинением „Таня" следует угадывать „Евгения Онегина", которого IV и V главы вышли в свет как раз в начале февраля 1828 г.

---

[1]) Автор этих стихов не назван в донесении. В бумагах самого Греча они сохранились с подписью имени Измайлова (Александра Ефимовича) и так напечатаны в „Русск. Арх." 1869 г., ст. 603; в том же „Русском Архиве" 1893 г., кн. I, стр. 446, они напечатаны вторично—уже с подписью С. Нечаева, т.-е. Степана Дмитриевича, впоследствии Обер-Прокурора Св. Синода.

[2]) Общественное мнение нуждается в том, чтобы его направляли

Далее мы приводим записку [секр. арх. № 915, л. 1], упомянутой в предисловии еврейки Екатерины Хотяинцовой о княгине Евдокии Ивановне Голицыной, известной „Princesse Nocturne“ [1]), воспетой и Пушкиным. Имя последнего лишь упоминается в списке знакомых княгини, но мы приводим здесь эту записку о последней, равно как и другую о ней же, в виду того внимания, которое уделял „Княгине Ночной“ сам поэт:

Записка о княгине Голицыной

Княгиня иногда через девушку свою Ольгу Ивановну раздает солдатам деньги, но это большая часть солдат, отданных из ее вотчины, есть и другие, но очень мало; ни один из них не служит в Преображенском полку, а в Измайловском, Семеновском и в Конногвардейском. Сама Княгиня никогда не говорит с солдатами.

У Княгини часто проводит ночи Николай Семенович Мордвинов. Кн. Николай Борисович Голицын 7-го числа сего месяца провел у нее время с 10-ти часов вечера до 3-х часов.

У Княгини живет для компании девица Жеребцова, воспитанница Екатерининского Института; у нее брат полковник, находящийся в поселенных войсках; сия девица переписывает у Княгини бумаги; она говорила мне, что Княгиня пишет по части математики.

Княгиня весь день спит, целую ночь пишет бумаги и прячет их в сундук, стоящий в ее спальне. Все ее люди говорят, что она набожна, но я была в ее спальне и кабинете и не нашла ни одной набожной книги; лежат книги больших форматов, — я открывала некоторые; это была Французская революция с естампами, Римская история и проч. Я взяла из одной книги вложенную в нее бумагу, на коей написано множество имен: я удержала оную у себя, дабы можно было из оной видеть, с кем знакома Княгиня и которую при сем прилагаю.

Фогель [2]) не отходит от ее дома, и я опасаюсь, дабы он не дал знать, чтоб меня береглись.

Я Жеребцовой обещала доставить место гувернантки или компаннонки.

Вчерашний день Княгиня наняла к себе человека, но сегодня велела его отпустить, сказавши, что ей не нравится его физиономия.

Екатерина Хотяинцова.

9 Апреля 1828 года.

---

[1]) О ней см. очерк П. А. Кубасова в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова. т. I.

[2]) Агент общей полиции, соперничавшей с агентурой Фока.

На отдельной пришитой бумажке (рукою Княгини А. И. Голицыной):

Корсаковы—3.
Кн. Софья Голицына—2.
Княг. Голицына—4.
Хитрова—1.
Толстая—1.
Хитрова—4.
Г. Строганова—2.
Нарышкин—1.
К. Лабанов—1.
Пратасов—1.
Цицианов—3.
Мелиен—3.
Урусовы—3.
Голицын—1.
К. Вяземской—1.
Пушкин—1.
К. Долгоруков—1.
Суворов—1.
Пашков—1.
Голицын—1.
Кастинецкой—1.
[и т. д.] [1]):

К апрелю или маю месяцу 1828 года относится очень интересная, типично инквизиторская записка [2]), вышедшая из лаборатории Фон-Фока (она вся писана его рукою) и касающаяся неосуществившегося издания газеты „Утренний Листок", которую, по слухам, намеревался предпринять кружок молодых писателей во главе с князем П. А. Вяземским, Пушкиным и другими. Записка Фон-Фока в числе других (они все носили название „Секретной Газеты") была послана им Бенкендорфу,—находившемуся тогда на театре военных действий в Турции, в свите Императора Николая,—при письме от 30-го мая 1828 г. за № 9. Здесь записка была передана на прочтение Дмитрию Васильевичу Дашкову, бывшему Арзамасцу, приятелю А. Тургенева, Жуковского, Блудова, Уварова и других членов этого общества, в заседаниях которого он встречался и с Пушкиным; Дашков, будучи в это время Товарищем министра внутренних дел, находился также в свите Императора, в Главной квартире действующей армии; на досуге он внимательно прочел переданную ему Бенкендорфом записку (имя ее автора последний, конечно, не открыл Дашкову), сопроводил ее своими замечаниями и, кроме того, приложил отдельный лист со своими на нее

---

[1]) Около этого же времени — в феврале 1828 г. — другой агент (упомянутый уже выше—совершенно малограмотный) сообщал Фон-Фоку: „Княгиня Голицына, жительствующая в своем собственном доме, что в Большой Миллионной, которая, как уже по известности, имеет обыкновение спать день, а ночь занимается компаниями,—и таковое употребление времени относится к большому подозрению, ибо бывают в сие время особенные занятия какими-то тайными делами; из числа же собирающихся в оной есть одна дворянка, по фамилии Пучкова, исправляет какое-то препоручение, а из господ — князь Трубецкой, служащий при Дворе камер-юнкером, жительствующий в доме Кусовникова, где типография Плюшара; и, как сказывал служитель у Трубецкого, 14-го числа февраля, называемый Иван Степанов, что у его барина есть некто, имеющий какое-то особенное препоручение, — один служащий чиновник в Департаменте Внешней Торговли, по фамилии Бетхин, приходящий ежедневно к Трубецкому, даже и в то время, когда прочим знакомым запрещен бывает допуск" (секр. арх. № 1134).

[2]) Секретный Архив, № 1034.

об'ясненіями и возраженіями [1]). Как человек литературный и просвещенный, знавший близко многих писателей, он дал очень любопытные отзывы о Вяземском, Пушкине, В. П. Титове, князе Б. Ф. Одоевском. Печатаем сперва записку Фон-Фока, а затем—возражение на нее Дашкова.

a

Секретная Газета

1.

В Москве опять составилась партия для издавания Газеты политической, ежедневной, под названием Утренний Листок. Хотят издавать или с нынешнего года с Июня или с 1-го Января 1829.—Главные издатели суть те же самые, которые замышляли в конце прошлого года овладеть общим мнением для политических видов, как то было открыто из переписки Киреевского с Титовым.

Все эти издатели по многим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедуют Либерализм. Ныне известно, что партию составляют Князь Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, Князь Одоевский, два Киреевские и еще несколько отчаянных юношей. По ныне такое между ними условие: поручить издателю „Московского Вестника“ Погодину испрашивать позволение. Погодин, переводя с величайшими похвалами и лестью сочинения Академиков Круга etc., Ректора Эверса и других, успел снискать благоволение ученых, льстя их самолюбию. За свои детские труды он сделан Корреспондентом Академии и весьма покровительствуем Кругом, Аделунгом и другими немецкими учеными.—Сей Погодин чрезвычайно хитрый и двуличный человек, который под маскою скромности и низкопоклонничества вмещает в себе самые превратные правила. Он предан душою правилам якобинства, которые составляют исповедание веры толпы Московских и некоторых Петербургских юношей, и служит им орудием. Сия партия надеется теперь чрез Немецких ученых Круга и Аделунга снискать позволение Князя Ливена, чрез Князя Вяземского и Пушкина, действовать на Блудова посредством Жуковского, а чрез своего партизана Титова, племянника Статс-Секретаря Дашкова, снискать доступ к Государю чрез Графа Нессельроде или самого Дашкова.

Издание частной Газеты в Москве будет весьма вредно для общего духа и мнения, ибо, как известно из переписки сей партии, вся их цель состоит в том, чтоб действовать на дух народа распространением либеральных правил. От сего не убережется никакая Цензура, ибо Издатель, поместив две или три фразы пошлые в похвалу Правительства, может спокойно молчать о том, что производит хорошее действие, и помещать все,

---

[1]) Записка писана карандашом и не подписана: принадлежность ее Д. В. Дашкову устанавливается как почерком, коим она писана, так и некоторыми местами ее содержания.

в виде фактов с пояснениями, что воспламеняет умы к переворотам. Москва, удаленная от Центра Политики и Министерств и не будучи подвержена непосредственному надзору в нравственном отношении, может наделать много зла Газетами, ибо пока здесь хватятся за статью, — она уже разойдется по России.

Уже эта Московская партия показала свой образ мыслей на счет Газет не только в Секретной переписке [1]), но даже и в печатном. В № 8 „Московского Вестника" на сей 1828 год критикуют наши Газеты и дают чувствовать, как они сами будут издавать Газету. В начале сей статьи упрекают Газеты, что они извещают Русскую публику о безделицах и представляют одни голые, неудовлетворительные известия о происшествиях и вместо того, чтобы ставить нас на такую точку, с которой вы могли видеть, что занимает умы в настоящее время в державах Европейских, наиболее обращающих на себя внимание всякого просвещенного, — вместо того, чтоб изображать нам перемены, происходящие во внутреннем устройстве Государства с их причинами, постепенным развитием и последствиями, вместо того, чтоб выводить вперед современные лица, действующие на поприще политическом, с их характерами и мнениями и проч...—Здесь цель издателей ясная. Что занимает умы в Европе? Конституции. Перемены во внутреннем устройстве Государств с их причинами, постепенным развитием и последствиями—суть революция и оппозиция. А выведение политических лиц с их действиями и мнениями поведет к проповедыванию карбонаризма. Вот чем привлекают к себе публику новые издатели Газеты в Москве.

Далее издатели говорят следующее [2]): (Выписка из 8 № Московского Вестника). „Сколько в прошлом году случилось важных происшествий в Европе, о которых читатели наших Газет остались в совершенном неведении, узнавши только их заглавия, вместе с заглавиями многих мелких случаев, здесь и там встретившихся.

Издатели новой газеты хотят, чтоб им подробно описывать важные происшествия. Эти подробности поведут весьма далеко.

Эти подробности не поведут далеко людей благоразумных; а неразумных остановит тотчас хорошая Цензура и бдительное Правительство. Но как же не описывать с некоторою подробностию *важных происшествий?*

Но, перечитав все книги и брошюрки, вышедшие в Европе в прошлом году, подам ли я понятие слушателю о ходе Европейского Просвещения?

Под именем Европейского Просвещения разумеется Либерализм: слово, введенное Князем Вяземским.

C'est une méchanceté gratuite. Успехи словесности, наук и художеств принадлежат также к *Европейскому Просвещению*.

---

[1]) Т.-е. перлюстрованной.

[2]) В подлиннике идут сперва замечания Фока, а потом—Дашкова (на фоковские), все эти примечания печатаются здесь, в отличие от выписки из „Моск. Вестн.", мелким шрифтом, причем примечания Дашкова набраны разрядкой и курсивом; каждое примечание Фока и Дашкова помещается здесь под соответственной фразой выписки, к которой относится.

Русской публике не столько нужно знать все марши Маркиза Хавеса в Португалии, все движения Лорда Кохрена на водах Архипелагских, как выразуметь постановления о ввозе хлеба в Англии или прения о Цензуре во Франции или другое важное явление в этом роде.

Какое важное явление в роде вольности книгопечатания? Все рассуждения по сему предмету ведут к обузданию, самодержавия, как видно из речей Депутатов во Франции.

Это умышленная натяжка. И по смыслу речи, и по грамматике слова: *другое важное явление* относятся столько же к постановлениям о ввозе хлеба, сколько и к прениям о Цензуре. Таковы суть споры о Католиках в Англии и другие предметы, о коих благоразумный и благонамеренный Газетчик будет говорить дельно и с пользою.

К преступной цели могут вести не только рассуждения о Цензуре, но и о всякой безделице. Это другое дело. Но хороший закон о Цензуре, сам по себе, не уменьшает почтения к Самодержавию, а напротив умножает оное.

Об'яснили ли нам, например, по поводу занятия Каннингом, потом Робинсоном (а ныне Веллингтоном), первого места в Министерстве, почему так скоро и легко составляются и переменяются Министерства в Англии, как будто бы дело шло о каком-нибудь частном споре, который приятелями решается полюбовно в комнате?

Цель издателей очевидна, чтоб показать, что в Англии общее мнение делает и низвергает Министров.

Натяжка.

Показала ли она нам систему Каннингова управления, в противоположность системе Костелриговой.

Система Каннингова управления Либерализм, Кастелрегова — Монархическое ограниченное правление. Нужно ли его из'яснять Русской публике? Есть множество других различий между сими системами, в отношении к торговле, внешней политике и проч.

Почему при Ливерпуле не было такого неудовольствия против Каннинга, какое обнаружилось при вступлении его в должность первого Министра, хотя он прежде равное почти принимал участие в делах?

Это повело бы далеко, из'ясняя прения Парламента.

Почему Пиль, Веллингтон и пр. оставили Министерство, а прежде действовали в оном вместе с Каннингом?

Высшая политика, которая поколебала бы слабые умы.

Нимало не поколебала бы, если только Издатель не захочет рассевать вредных учений под видом изложения фактов. А если у него будет такая цель, то он пойдет к ней, говоря не только о Каннинге, но и о каком-нибудь Авторе или Герое древнем. Где же будет Цензура? Где Полиция?

Показали ли нам в ясном свете распрю в Англии о Католиках и Протестантах: как до сих пор, при всех переменах в Министерстве, какая бы партия ни взяла преимущество, Виги или Торисы, всегда партия католическая и анти-католическая имеют почти равную силу? Точно также должно было изложить перемены в уголовном законодательстве, предложен-

ные Пилем, участие, которое Англия принимала в делах Португалии. — Франция в прошедшем году представила множество явлений любопытных.

Борение либералов и революционеров и победа сих последних над Королем,—вот что было в прошлом году.

Неправда. В 1827 г. распущена национальная гвардия и нанесены другие удары либералам. Министерство Виллеля упало уже в 1828.

При известии о распущении Королем национальной Гвардии, для Русской публики должно бы было прибавить историческое известие об этой гвардии, о времени ее учреждения, ее обязанностях, цели, о постановлениях, до нее касающихся,

Об'ясняя обязанности и цель Национальной гвардии, надлежало бы представить революцию в благоприятном виде, ибо Национальная гвардия есть создание революции.

Почему же *въ благопріятномъ видѣ?* Напротив того, живое и беспристрастное описание ужасов того дня, когда началась Национальная гвардия, было бы лучший антидот против желания революции—по крайней мере, для юношей неопытных и пылких, но не развращенных.

о причинах, почему Король нашелся принужденным распустить ее, и почему сия мера возбудила неудовольствие.

Явно хотят показать, что отступление от революционных правил и постановлений возбуждает неудовольствие в народе.

Опять умышленно кривое толкование. Изложение факта не есть еще одобрение оного. Все зависит от цели Автора, а не от предмета.

Точно также должно было бы поступить и при сообщении известия о возведении 76 чел. в достоинство Перов, об'яснить перемену в образе мыслей Палаты Депутатов,

Об'яснять перемену образа мыслей в Палатах есть об'яснять переход к Либерализму. Все дело в том, как будет об'ясняемо.

в которой под конец ее заседаний вся почти правая сторона сделалась левою.

Известно, что левая сторона либеральная.

При Португальских происшествиях оставили в неизвестности причины от'езда Инфанта Дона Мигуэля из Португалии и причины его возвращения и вступления в регентство.

Опять надлежало бы толковать о Конституции.

Мы не получили также никакого ясного понятия об отношениях Испании к Португалии, Франции и Англии к Испании.

Высшая политика, которой не должно давать уроки в газетах.

А почему же нет? Как просвещенному человеку не знать различных отношений каждой Державы Европейской к другим? Если же под видом распространения сих полезных знаний захотят рассевать учения развратные, то это уже другое дело. На то есть Цензура и бдительная Полиция. Нельзя и не должно запрещать употребления ножей, хотя ими можно резать и людей.

Ничего не может быть скучнее известий о Греческих происшествиях, в которых никак нельзя было добраться до толку"...

6

[Записка Д. В. Дашкова]

Цель сей статьи есть та, чтобы побудить Правительство к запрещению издания в Москве предполагаемой политической газеты. Я и сам не дозволил бы оной, но потому только, что там иные издатели скорее могли бы поместить нескромные статьи—не с умысла, а по неосторожности или по умничанью. Я твердо уверен, что неразумное умничанье и необузданная болтовня играют большую роль в так-называемом Русском либерализме.

Сочинители записки видят в Московских Литераторах общество заговорщиков; но истинное побуждение их так явно, что даже открывает мне имена их. Скажу безошибочно, что они суть Петербургские Журналисты, имевшие много Литературных ссылок с „Московским Вестником" и „Телеграфом" и желающие приобрести разными путями прибыльную монополию политической газеты. Vous êtes orfèvre, M-r Josse! [1]). — Они описали мнимое Московское общество весьма неверно и слили в оное лица, кои равно им нелюбы, и кои между собою не имеют связей. Таковы Кн. Вяземский и молодые издатели „Московского Вестника".

Из именованных в записке людей я не скажу ничего о Погодине, коего мало знаю. Шевырева знал только по виду, а Киреевских никогда не видывал. Но прочие мне весьма известны, и я считаю долгом сказать о них свое мнение—по чести и совести.

Кн. Вяземский известен Правительству с самой дурной стороны и справедливо терпит за невоздержность языка и пера своего. Переписка его была вредна и ему, и другим. Но сердце Вяземского совсем не злое и не способно к измене: тому может служить доказательством и невинность его по делу о злоумышленных тайных обществах, хотя он верно был знаком с $^3/_4$ составлявших оные негодяев. По долголетним связям моим с его шурином, незабвенным Карамзиным, я знаю Вяземского с самых молодых его лет за человека с умом, с душою, с честию—но без всякого esprit de conduite. Вся его вина—в эпиграммах и письмах, наполненных вредным для него умничаньем и острословием: к тому присоединилось оскорбленное самолюбие неудачами по службе и забота о расстроенном имении. Если он хочет быть издателем политической газеты, то верно для денег. Для сей же цели он хотел нынешнею зимою переводить Вальтера Скотта и будет еще биться, как рыба об лед, пока не разорится до конца. Но он не заговорщик и не враг правительству: в этом ручается все его

[1]) Слова Станареля из комедии Мольера „L'Amour médecin":

Вы мне отлично советуете—в свою пользу:
Вы—ювелир, господин Жосс!

Говорится, когда кто советует или действует, имея в виду не чужую, а свою пользу. *Б. М.*

знающие. Верный Карамзин по чутью узнал бы в нем изменника и отвергся бы его тогда с омерзением.

О Пушкине говорить нечего: его хорошие и дурные качества известны, кажется, Правительству в прямом виде.

Третьим в записке поставлен Титов [1]). Он мне родной племянник и с минувшего года живет у меня в доме. Я должен знать его—и скажу все, что знаю. По нем можно будет судить о приятеле его Князе Одоевском и вероятно о прочих их совоспитанниках, коих сочинители записки называют отчаянными юношами.

После долгого отсутствия был в Москве в 1825 году, я нашел Титова оканчивающим курс учения в Московском Университете. Ему было 18 лет. Голова у него не из самых пылких; но к несчастию он попал в руки, вместе с другими юношами, к человеку самому честному, самому благонамеренному, самому неспособному к злодейству, но и к самому вредному на Философской кафедре—к Профессору Давыдову.

Несчастная Немецкая Философия вскружила ему и питомцам его головы. Вместо того, чтобы преподавать ее, как историю науки, он приучал их искать в ней основания наук и даже нравственности. Молодые люди пристрастились отдавать себе во всем отчет силлогизмами и презирать тех, коим силлогизмы сии были незнакомы: стали умничать, болтать и судить о том, чего не понимали и до сих пор понимать не могут: sie wurden pädantisch und vorwitzig—но ни учитель, ни ученики не были и не суть заговорщики... Я предварил о сем сестру мою, живущую в отдаленной деревне,—и Титов был немедленно взят из Университета и помещен покуда в Московский Архив; а при первой возможности прислан в Петербург, где он работает с утра до вечера в Азиатском Департаменте и сушит свой мозг над выписками и переводами. Там довольны и прилежанием его, и поведением.

Кн. Одоевского узнал я по Министерству Внутренних дел и начал употреблять при себе для чистого письмоводства. Его кротость и прилежание заслуживают полную похвалу: и я по совести не могу признавать его отчаянным юношею. Отъезжая из Петербурга, я счел долгом представить его к чину и жалею, что Его Величеству не благоугодно было утвердить сего представления. Боже сохрани, чтобы Правительство искало привлечь к себе подобных ему юношей незаслуженными милостями; но когда сия милость действительно заслужена ими, то неполучение оной может ввергнуть в отчаяние и растравить юное сердце, еще незатверделое в правилах, кои велят ставить долг выше всех обстоятельств жизни.

Теперь, узнав, кто таковы мнимые Московские заговорщики, можно судить, до какой степени справедливы показания сочинителей записки о средствах, коими сия партия надеется действовать. Не знаю коротко ни

[1]) Тот самый Владимир Павлович Титов (псевд. Тит Космократов), рассказ которого „Уединенный домик на Васильевском", записанный со слов Пушкина, был в 1913 году переиздан П. Е. Щеголевым и Ф. Сологубом.

Князя Ливена, ни Круга, ни Аделунга [1]) и потому о них молчу. Но на Блудова надеются действовать посредством Князя Вяземского, Пушкина и Жуковского! В первом Блудов принимает участие по памяти Карамзина и по 20-ти-летнему знакомству: но верно не спросит никогда его совета. Пушкина тоже, ибо уважает в нем о д и н талант. А Жуковского! Ему ли, сей чистой, возвышенной душе, коей вверена надежда России, быть орудием даже слепым тонких козней и умыслов!.. На меня будет сия партия действовать чрез Титова и чрез меня и Графа Нессельрода получить доступ к Государю! Чрез Титова, 21-летнего мальчика, держимого на узде и ежечасно прохлаждающего свое воображение!.. Едва ли можно верить, чтобы сочинитель сих нелепостей о ш и б а л с я о т д о б р о г о с е р д ц а.

Наконец, что еще более меня в сем убеждает, есть приложенная выписка из 8 № „Московского Вестника“ с замечаниями. Сделанные мною карандашом возражения на сии замечания показывают, с какою ядовитостию толкуется каждое слово, и как извлекается смысл преступный из речей вялых и тысячу раз перебитых. Прочитав сказанное в „Московском Вестнике“, я ощутил одно чувство: неудовольствия, видя, как дети судят и рядят обо всем с полною уверенностию в своей безошибочности и с надутостию поседелого Профессора. Но и только: злого намерения в сем отрывке не вижу и не могу предполагать оного в молодых Издателях.

* * *

Такую решительную отповедь дал Дашков заматерелому в розыскных делах инквизитору фон-Фоку; последний оставил эту отповедь без возражений; по крайней мере, в дальнейшей переписке своей с Бенкендорфом он уже не касался ни кружка молодых передовых писателей, ни их плана об издании „Утреннего Листка“, который так и остался в области одних предположений и неосуществившихся мечтаний. А предпринимался он, конечно, в целях противодействия Булгаринской „Северной Пчеле“, умело, при покровительстве фон-Фока и Бенкендорфа, монополизировавшей тогдашнее общественное мнение.

В середине 1828 года у фон-Фока завелся новый корреспондент-доброволец, человек образованный и умный, сообщавший ему, в форме „Писем Наблюдателя“, различные сведения о событиях, отголоски мнений, слухи и сплетни, а также и собственные размышления по самым разнообразным вопросам. С Фоком он был „на ты“ и очень удовлетворял его своими письмами. В одном из них, по счету VI, от 6-го августа 1828 г. [2]) он писал ему, между прочим, о Лицее, причем упоминал и о Пушкине и его товарищах. Приводим здесь эту часть письма, в противовес напечатанной выше записке Булгарина о „Лицейском духе“, тем более, что письмо неизвестного, будучи послано фон-Фоком Бенкендорфу, находившемуся тогда

[1]) Кн. Ливен — Министр Народного Просвещения; Круг — академик, историк; Аделунг — историк, корреспондент Академии Наук.

[2]) Секретный Архив, № 1034.

в свите Николая на возвратном пути последнего с театра турецкой войны, было читано, как и все другие письма и сообщения Фока, Государем:

„Царскосельский Лицей существует только по имени: он мало-по-малу превратился в Военно-Сиротское Отделение. Воспитанники не имеют никаких книг, кроме учебных, не смеют ничем заниматься в свободное от классов время; не смеют даже оставаться в своих комнатах, а должны гулять кучею или проводжать время в праздности в общей зале. От этого в их комнатах чисто, да зато и в головах не будет ни пылинки. Не спорю, что им в прежнее время давали много воли, что некоторых из них избаловали; но зато и какую пользу принесло сие заведение. Двенадцать человек из Лицея служат в Канцелярии Государя. Во всех Министерствах, во многих военных частях лучшие чиновники суть Лицейские воспитанники. Барон Корф, Князь Горчаков, Вальховский, Саврасов, Ломоносов, двое Комовских, трое Безаков, Малиновский, Маслов и много, много еще молодых отличных людей служат доказательством, что прежний Лицей был, конечно, первый из наших Институтов.—Когда говорят о Лицее, то враги его всегда вспоминают о 14-м Декабре. Да помилуйте! Сколько там было Лицейских?—Один Пущин, да сумасшедший Кюхельбекер. И так за этих двух выродков и за шалости Пушкина предать анафеме все заведение? А сколько там было из Корпусов Пажеского, Сухопутного, Морского?—Что из этого следует?—Может быть, что при нынешнем положении Лицея не выпустят из него ни Пущина, ни Кюхельбекера. Это может быть, но достоверно то, что не будет и тех отличных людей, о которых я говорил выше".

* * *

Далее в материалах секретного архива не находится о Пушкине никаких сведений почти за целые два года [1]), — начиная со второй половины 1828 г. — за весь 1829 год и начало 1830 г., — т. е. за время, проведенное поэтом сперва в Петербурге, в неприятностях по делу о „Гавриилиаде", а затем в раз'ездах (Тверская губерния, Москва и Петербург,

[1]) Нашелся лишь один документ, от января 1830 г., имеющий лишь косвенное отношение к Пушкину, а именно — записка жандармского офицера Брянчанинова, касающаяся карточного игрока Василия Семеновича Огонь-Догановского († 15 мая 1838 г., на 63 г.), в сети которого в Москве в это время попал и Пушкин, входивший весной 1830 г. в письменные сношения по поводу уплаты ему по какому-то векселю. Вот этот документ (секр. арх., № 1051):

„№ 2. Москва. Начальник I Отделения Майор Брянчанинов доносит.

О карточной игре.

Банковая в карты игра в Москве не преставала никогда; но в настоящее время кажется, еще усилилась, и в публике не без сожаления замечают слабой в оном присмотр Полиции.

Между многими домами, составившими для сего промысла партии, дом Догановского есть особенное прибежище игрокам. Сказывают, что игорные дни назначены и сам хозяин мечет Банк, быв с другими в компании.

Генваря 2 дня 1830 г. Москва".

Кавказ, Москва, снова Тверская губерния и Петербург): из поездок он возвратился лишь к середине ноября 1829 г., при чем сразу же должен был выслушать выговор Бенкендорфа за то, что „странствовал за Кавказом и посещал Арзерум", не получив на то специального разрешения, а затем первые месяцы 1830 года провел в новых сборах к от'езду и в поездке в Москву, где вскоре и состоялось его сватовство к Наталье Николаевне Гончаровой. К этому сватовству и имеет отношение печатаемое ниже письмо Пушкина к Бенкендорфу от 7 мая 1830 года.

Известно, что сватовство Пушкина было принято скептически его будущею тещею, Н. И. Гончаровой, которая, как писал поэт Бенкендорфу 16 апреля 1830 г., „страшилась выдать дочь свою за человека, „имевшего несчастие подвергнуться неудовольствию Императора". Поэтому Пушкин в этом письме просил о том, чтобы Бенкендорф выяснил его официальное положение и отношение к нему Правительства: „Счастие мое зависит от одного благосклонного слова Того, к которому моя преданность и моя благодарность—бескорыстны и безграничны",—писал Пушкин. Бенкендорф отозвался на эти строки письмом от 28 апреля, в котором, успокаивая Пушкина, писал, что Государь с удовольствием услышал о намерении его жениться и поручил ему сообщить, что он, Пушкин, находится не под гневом, а под отеческим попечением Его Величества, и что он доверен Бенкендорфу не как Шефу жандармов, но как человеку, которому Император оказывает свое доверие, и лишь для того, чтобы наблюдать за ним и руководить его своими советами. В конце письма Бенкендорф писал, что уполномачивает Пушкина показывать настоящее его письмо всем тем, кому он сочтет нужным, — чтобы тем рассеивать неблагоприятные о нем слухи, будто он находится в дурных отношениях с Правительством. Получив это письмо, Пушкин и написал Бенкендорфу свой благодарственный ответ; придя в Петербург, письмо не застало здесь Бенкендорфа, попало в руки Фока и последним было переслано, при письме от 18 мая, шефу, после чего так и оставалось при бумагах, не будучи включено в „дело" Пушкина. Вот что писал Фок из Петербурга, 18-го мая 1830 года (Секр. арх., № 1029), Бенкендорфу, за несколько дней перед тем выехавшему оттуда для сопровождения Николая I в одну из его поездок:

J'annexe à ma missive un chiffon de lettre de notre fameux Pouschkin. Ces lignes le caractérisent parfaitement dans toute sa légèreté, dans toute son étourderie insouciante. Malheureusement, c'est un homme ne songeant à rien, mais prêt à tout. C'est l'impulsion momentanée qui le fait agir" [1]).. А вот и самое письмо Пушкина к Бенкендорфу:

[1]) Перевод: „Присоединяю к моему посланию письмо нашего пресловутого Пушкина. Эти строки великолепно его характеризуют во всем его легкомыслии, во всей беззаботной ветренности. К несчастию, это человек, не думающий ни о чем, но готовый на все. Лишь минутное настроение руководит им в его действиях".

Mon Général,

C'est à la sollicitude de Votre Excellence que je dois la grâce nouvelle dont l'Empereur vient de me combler: veuillez recevoir l'expression de ma profonde reconnaissance. Jamais dans mon coeur je n'ai méconnu la bienveillance, j'ose le dire, toute paternelle que me portoit Sa Majesté, jamais je n'ai mal interprêté l'intérêt que toujours vous avez bien voulu me témoigner: ma demande n'a été faite que pour tranquilliser une mère inquiète et que la calomnie avoit encore effarouchée.

Veuillez recevoir, mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Votre très humble et très obéissant serviteur

Alexandre Pouschkin.

7 Mai 1830. Moscou [1]).

Через месяц после этого письма, 16-го июня того же года, в письме из Петербурга к Бенкендорфу, продолжавшему находиться в отсутствии, Фок писал [2]):

„Toutes les nouvelles de l'Intérieur continuent d'être très rassurantes et ne présentent aucun accident à marquer. J'ajoute quelques petites notices, ainsi qu'une lettre très drôle de Pouchkin, que Vous déciderez dans Votre sagesse“ [3]).

Это, конечно, было письмо Пушкина из Москвы, от 29-го мая 1830 г., в котором поэт просил Бенкендорфа исходатайствовать ему разрешение у Государя на переливку находившейся в Полотняном Заводе бронзовой статуи Екатерины II, за которую скупщики меди предлагали 40.000 рублей. Письмо это давно известно в печати.

В одном из следующих своих писем—от 11-го октября 1830 г. (Секр. арх., № 1029)—Фок писал Бенкендорфу в Москву: „Je Vous envoie un

[1]) Перевод: „Генерал! Попечению Вашего Превосходительства обязан я новою милостью, которою Его Величество только что меня облагодетельствовал: благоволите принять выражение моей глубокой признательности. Никогда в сердце своем не забывал я благосклонности—смею сказать,—совершенно отеческой, которую оказывал мне Его Величество; никогда не истолковывал я в дурную сторону и тот интерес, который Вам всегда угодно было проявлять ко мне; моя просьба была высказана единственно для того, чтобы успокоить мать, находившуюся в тревоге и еще более взволнованную клеветою.

Благоволите принять, Генерал, дань моего высокого почтения.

Ваш нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин.

7 Мая 1830 г. Москва.

[2]) Секретный архив, № 1029.

[3]) Перевод: „Все новости, приходящие изнутри России, продолжают быть весьма успокоительными и не представляют ничего достойного быть отмеченным. Я прилагаю к сему несколько маленьких заметок, равно как и очень смешное письмо Пушкина, на которое Вы положите решение, сообразное Вашей мудрости“.

numéro de la gazette littéraire de Viazemski. Pouchkin et consorts. Vous y trouverez un article mystique, que j'ai marqué au crayon. Ce parti cherche des adhérens" [1]).

К сожалению, № „Литературной Газеты" при письме не сохранился, и трудно догадаться, какая статья привлекла внимание Управляющего III Отделением; скажем только, что на письме Фока имеется помета Императора Николая, который ездил тогда в Москву, чтобы внести успокоение в народ, пришедший в отчаяние от свирепствовавшей там холеры; Николай, следовательно, читал донесение Фока и вновь встретил в нем имя Пушкина, сидевшего в это время за холерными карантинами в Болдине.

Через три дня после этого, 14-го октября 1830 г., Фок писал своему шефу в Москву, между прочим, следующее (Секр. арх., № 1029):

„On a publié dans la gazette littéraire un charmant quatrain sur l'Empereur, qui doit être de Pouchkin ou de Baratinsky. Il est signé Москва, mais ce qui est remarquable, c'est que ces vers sont le premier éloge que cette société de jeunes gens ait imprimé en faveur de l'Empereur. Je copie ici ces vers [2]).

Утешитель

Москва уныла: смерти страх
Престольный град опустошает;
Но кто в нее, взвивая прах,
На встречу ужаса влетает?
Петров потомок, Царь, как Он
Бесстрашный духом, скорбный сердцем,
Летит, услыша Русских стон,
Венчаться душ их Самодержцем.

L'idée est sublime, et le public se déchire à copier ces vers" [3]).

На письме опять есть помета, свидетельствующая о том, что Император читал его, — а следовательно и стихи, ему посвященные. Последние, однако, не принадлежали перу ни Пушкина, ни Баратынского, и автор их нам неизвестен.

---

[1]) Перевод: „Посылаю Вам номер „Литературной Газеты" Вяземского, Пушкина и их сообщников. В нем вы найдете статью мистическую, которую я отметил карандашом. Эта партия подыскивает себе единомышленников".

[2]) Перевод: „В Литературной Газете" было напечатано прелестное четверостишие на Императора, должно быть — Пушкина или Баратынского. Оно подписано: Москва, но, что замечательно, — эти стихи являются первою похвалою, которую это сообщество молодых людей напечатало в знак внимания к Императору. Переписываю здесь эти стихи".

[3]) Перевод: „Идея возвышенна, и публика разрывается на части, чтобы списать эти стихи".

Этим кончаются материалы о Пушкине, сохранившиеся Фоковским секретным архивом. После смерти Фока, при его заместителе, статс-секретаре Александре Николаевиче Мордвинове, в III Отделении наступили, повидимому, другие порядки, и агентурные сведения уже не сберегались в архиве, как прежде. Мы нашли только одну, имеющую косвенное отношение к Пушкину, записку, а именно — характеристику трех писателей: князя В. Ф. Одоевского, П. А. Плетнева и А. А. Краевского (Секр. арх., № 645). Полагаем, что характеристика эта была сделана для Бенкендорфа по поводу предположений о продолжении издания „Современника", за которое, после смерти Пушкина, немедленно взялись друзья поэта. Записка писана рукою А. Н. Мордвинова и не имеет ни даты, ни каких-либо помет, но относится, если правильно наше предположение о причине ее составления, к февралю — марту 1837 года:

„Князь Одоевский, Камергер, служит по Министерству Внутренних Дел и состоит сверх того в Министерстве Народного Просвещения библиотекарем при Комитете Иностранной Цензуры. Принадлежит к кругу здешних Литераторов; участвует в издании газеты под названием Литературных Прибавлений; имеет хорошие способности; Министр Народного Просвещения весьма доволен занятиями его по Иностранной Цензуре.

Плетнев, Ординарный Профессор Российской Словесности в здешнем Университете. Преподает Русский язык Их Императорским Высочествам Великим Княжнам.—Состоит под особенным покровительством Действительного Статского Советника Жуковского.

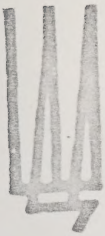
Краевский, Состоит при Министерстве Народного Просвещения редактором издаваемого от сего Министерства Журнала. Он же Редактор журнала Литературные Прибавления.

Все сии три лица, принадлежа к здешнему Литературному кругу, состоят в близкой между собою связи; все были короткие приятели Пушкину и покровительствуются Жуковским".

Так, под знаком „III Отделение", протекали дни Пушкина в годы расцвета его гения. Войдя в кабинет Чудовского дворца, 8-го сентября 1826 г., на аудиенцию к Николаю I, хотя и ссыльным, но духовно свободным человеком, он вышел оттуда, по меткому выражению П. О. Лернера [1]), „свободным поднадзорным",—и с этого дня голубая, громоздкая, но мягкая фигура Бенкендорфа становится рядом с поэтом, и неотступно, по пятам сопровождает его уже до самой могилы.

---

[1]) Соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 337. Ср. статью В. Ф. Саводника—„Русск. Арх." 1904 г., кн. II, стр. 139—140.



№ 9

ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ:

1. ДОСТОЕВСКИЙ и ПУШКИН—Сборник статей, редакция А. Л. Волынского (распродано).
2. И. Ф. АННЕНСКИЙ—Пушкин и Царское Село (распродано).
3. Н. Ф. ПАВЛОВ—Именины, повесть (распродано).
4. ЦАРСКОЕ СЕЛО В ПОЭЗИИ, сборник, редакция Н. С. Лернера (распродано).
5. Вл. ПЯСТ—Л. А. Мей и его поэзия.
6. СОБОЛЕВСКИЙ—друг Пушкина, со статьей В. И. Саитова.
7. П. Е. ЩЕГОЛЕВ—Мария Волконская, с фототипией.
8. К. Н. ЛЕОНТЬЕВ—Автобиография, со статьей П. К. Губера.
9. Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ Пушкин под тайным надзором,
10. Э. Т. А. ГОФМАН—Очерк Е. М. Браудо.
11. „ПАРѲЕНОН"—первый сборник статей. Редакция А. Л. Волынского. Авторы: Анна Ахматова, Евг. Браудо, Д. И. Выгодский, А. Г. Горнфельд, М. Л. Гофман, А. С. Изгоев, Р. М. Кантор, С. Ф. Ольденбург, А. В. Самойлович, А. А. Фет (письма), Мариэтта Шагинян, С. Я. Штрайх. Темы: Пушкин, Гете, Короленко, Андрей Белый. Наука в России и на Западе, Музыка, Крушение западной культуры, Новая еврейская поэзия, друг Пушкина — Пущин, пушкинист Б. В. Никольский, Задачи русской интеллигенции.
12. М. С. ШАГИНЯН—Литературный дневник.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

ЛЕОНАРДО-ДА-ВИНЧИ—сборник, редакция А. Л. Волынского.
С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ, академик.—Индийская лирика.
А. Л. ВОЛЫНСКИЙ—Ренессанс, статьи об искусстве.
О ТЮТЧЕВЕ—Сборник статей, редакция А. Л. Волынского.
А. Л. ВОЛЫНСКИЙ—Что такое идеализм?
М. С. ЛУНИН. Письма из Сибири, редакция С. Я. Штрайха.
А. Л. ВОЛЫНСКИЙ. Две интеллигенции.

Издательство
«ПАРѲЕНОН»
Троицкая ул. 15/17 кв. 164
или Загородный пр. 23 кв. 57
ПЕТЕРБУРГ

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00039865191